

ЖОС
Н 86

Ускорка

Скоро юные читатели нашей страны получат новую книжку о В. И. Ленине. «На всю жизнь» — так назвал её автор, ленинградский писатель Леонид Радищев.

Рисунки к ней сделал художник Юрий Лаврухин.

ДЕКАБРЬ ● 1969

год издания XIII

газеты
«Ленинские
искры» -
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

В. ФЕТИСОВ

ОБЛАСТНАЯ
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. А. С. ПУШКИНА
г. Саратов

ЗИМА ПРИШЛА

Там, где летом рожь была, —
нынче только даль бела.

И на белые луга
встали белые стога.

Спит кормилица-земля
тихо и устало.
Покрывало ей зима
тёплое соткала.

Гололедица

Заколдованная речка

*Снегом кружит, стужей дует —
над рекой зима колдует.
И поёт метельную
песню колыбельную:*

*«Тише, речка, не спеши,
Не кати ты камешки,
спи, красавица, в тиши,
баю, баю, баюшки...*

*Мой хрусталь не поломаешь,
лучше не старайся,
всё сама сломаю к маю,
отдыхай, не майся!..»*

*Речка тише потекла,
сонная, немая,
и замолкла
до тепла
солнечного мая.*

К нам зимой пришло тепло —
как весной, всё текло!
Но мороз, прогнав тепло,
из воды сковал стекло.
И стоит теперь деревня —
светлая, но странная:
в ней стеклянные деревья
и земля стеклянная.
У стеклянного колодца
журавель стеклянный гнётся.
Избы
с низа до трубы —
как стеклянные кубы.
И стеклянные столбы
тут идут от города,
и ведут от города
два стеклянных провода.
А по улице нельзя
шага сделать, не скользя.
Гусь идёт —
шагнёт — и ляжет.
Поросёнок —
польку пляшет.
Удивлённая коза
смотрит, выпучив глаза.
А петух
чудно подскочит
и по льду проедется.
Покататься, видно, хочет,
раз уж гололедица.

Рис. Г. Моисеевой

Е. ВИСТУНОВ

По рекомендации Ленина

ДОМА, как и люди, бывают разные. Как и люди, они могут быть красивыми и некрасивыми, интересными и скучными, весёлыми, радостными, даже смешными.

Как и у людей, у каждого дома есть своя биография. У одних она богато насыщена событиями, да такими, что дух захватывает, когда про них узнаёшь, а у других эта биография совсем бедная — и рассказывать нечего.

Есть в городе Выборге на рабочей окраине небольшой одноэтажный домик, внешне мало чем отличающийся от всех соседних. Такой же он невысокий, аккуратный, смотрит глазастыми окнами на тихую улицу, а она летом сыплет на него с деревьев тополиный пух, а зимой наметает у калитки высокие белые сугробы.

Домик, о котором мы ведём рассказ, такой, как все. И не такой: он знаменитый, этот дом, исторический. В любое время года, в солнечную погоду и в дождь, к нему с разных

концов нашей страны, из самых дальних стран приезжают люди. Приезжают русские и украинцы, поляки и негры, финны и французы... Кто только не приезжает!

Комнаты дома — маленькие, и люди стоят иногда на улице, с нетерпением ожидая минуты, чтобы войти. Чем же интересен этот скромный на вид дом? Что привлекает сюда тысячи и тысячи людей?

Давайте попросим его самого рассказать нам об этом. Итак — начинает рассказывать дом № 15 на Рубежной улице, вещи, которые бережно хранятся в его комнатах, документы, книги, письма, фотографии...

На фасаде дома укреплена мемориальная доска. На ней написано: «В этом доме жил В. И. Ленин с 30 (17) сентября по 20 (7) октября 1917 года, скрываясь от преследования контрреволюционного Временного правительства».

А вот какую любопытную запись можно прочесть в книге посетителей этого Дома-музея Владимира Ильича Ленина.

«Посетив дом моего детства, хочу с радостью отметить, что все здесь проникнуто любовью к памяти дорогого и любимого вождя. С благодарностью Хильдур Хаарала».

Написано по-русски, а имя и фамилия — финские.

Кто же такая Хильдур Хаарала? Почему она называет Дом-музей В. И. Ленина «домом моего детства»? А не жила ли она здесь тогда, когда, как гласит мемориальная доска, в этом доме скрывался от преследования контрреволюционного Временного правительства Владимир Ильич Ленин?

Но сначала пусть дом нам расскажет, как и при каких обстоятельствах поселился в нём в 1917 году вождь революции.

Это было очень трудное для судьбы будущей Октябрьской революции время. Партию большевиков преследовало Временное правительство, выступившее в защиту буржуазии, против рабочих и крестьян. Глава Временного правительства Керенский издал приказ арестовать В. И. Ленина. Тогда партия большевиков укрыла своего вождя в подполье. Вначале у сестрорецкого рабочего Н. А. Емельянова в Разливе, а затем, когда оставаться там стало опасно, в столице Финляндии Гельсингфорсе, где Владимир Ильич жил под именем Иванова Константина Петровича. Несмотря на хорошо налаженную связь с революционным Петроградом, с партией, он очень тяготился пребыванием вдали от назревающих событий. Поэтому и решил переехать поближе к Петрограду — в Выборг.

В один из воскресных дней Ильич в сопровождении преданного большевистской партии человека — редактора

финской рабочей газеты «Труд» Эверта Хуттунена сел в переполненный вагон поезда. Оба были довольны: в такой ситуации легче остаться незамеченными, не привлечь внимания шпииков. Вскоре благополучно добрались до Выборга, вышли на перрон. Внимательно осмотревшись по сторонам и убедившись, что за ними нет слежки, направились в центр города, на улицу Вилккеенкату, к дому № 17. Здесь Владимир Ильич должен был встретиться с надёжным товарищем Юхо Латуккой.

Вот как вспоминает об этой встрече с вождем революции сам Юхо Латукка:

«От радости, что мне предстоит принять вождя русского революционного пролетариата, я шагал легко и быстро... Меня провели в комнату. «Где же Владимир Ильич? Дайте мне его увидеть поскорей». В ответ на мои слова Хуттунен сказал: «Пришёл за ним? Сейчас его увидишь, обожди минуточку» — и вышел.

Немного погодя Хуттунен позвал меня, сказал, что Иванов ждёт меня на кухне. Владимир Ильич сидел у стола и завтракал. Я поздоровался. «Меня зовут Ивановым», — потихоньку сказал он мне. Причём по его глазам можно было прочесть: „Не спутайте меня, Иванова, с кем-нибудь другим, разыскиваемым по всей России Керенским и его компанией“.

Далее Юхо Латукка рассказывает, как он с Владимиром Ильичём перебрался на конспиративную квартиру, в маленький домик на рабочей окраине Выборга, принадлежавший старому финскому рабочему Томасу Хайконену. У этого рабочего было две дочери: Лююли, на которой был женат Латукка, и Хильдур.

...Постой, постой, дом! Не торопись рассказывать дальше. Ты назвал имя Хильдур. Не та ли это Хильдур, которая, уже в наши дни побывав в Выборге, в Доме-музее В. И. Ленина на Рубежной, 15, написала в книге отзывов посетителей:

«...всё здесь проникнуто любовью к памяти дорогого и любимого вождя. С благодарностью Хильдур Хаарала».

Да, та самая!

Два года назад мне вместе с другими ленинградскими журналистами довелось побывать в Финляндии. Было много интересных встреч, но особенно запомнилась одна из них — встреча с финской коммунисткой, ветераном Коммунистической партии Финляндии Хильдур Хаарала, дочерью Томаса Хайконена...

Маленького роста, очень подвижная, она смотрела на нас — неожиданных гостей из Ленинграда — изумленно-радостными глазами и не знала, как усадить всех в тесной квартире. Те, кому не хватило стульев, подошли к книжному шкафу, на котором стоял бюст Владимира Ильича, стопками лежали журналы на финском и русском языках.

Оказалось, что Хильдур Хаарала неплохо говорит по-русски и, самое главное, хорошо помнит то время, когда в доме её отца жил Владимир Ильич. Ей было тогда двадцать четыре года.

— Однажды моя сестра Лююли, — рассказывала она нам, — сообщила, что к нам приедет очень известный революционер. И попросила меня предупредить детей — пусть они никого из чужих ребят в дом не приводят. В этот же день вечером Юхо приехал на извозчике с незнакомым человеком — очень энергичным, весёлым...

Владимиру Ильичу понравилась приготовленная для него комната. Внимательно осмотрев книжный шкаф, он спросил Юхо Латуку:

— Значит, эту квартиру вы, товарищ, предоставляете мне?

— Да, — ответил Латука.

Владимир Ильич пожал руку и сказал, радостно улыбаясь:

— Здесь я смогу хорошо поработать!

Вот таким был Владимир Ильич. Всегда энергичным, жизнерадостным. Только что с поезда, усталый, он, не успев ещё устроиться на новом месте, удовлетворённо говорит: «Здесь я смогу хорошо поработать!»

Рабочими, предельно занятыми были для Владимира Ильича дни Выборгского подполья. Как и тысячи других дней, где бы он ни был: и в сибирской ссылке, в селе Шушенском, и в эмиграции в Париже, Женеве, и потом, после победы Октябрьского вооружённого восстания, в Москве на посту Председателя Совнаркома.

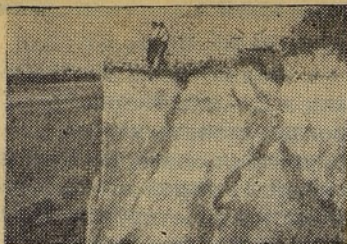
...Утром после завтрака он садился за письменный стол. Просматривал все газеты, делал на полях пометки. Как вспоминает Юхо Латукка, у Владимира Ильича твёрдо были установлены определённые часы: когда вставать утром, читать, писать. Только время, когда ложиться спать, не определялось — до поздней ночи в его комнате горел огонь. Он писал статьи, которые тайно перевозились в Петербург. Эти статьи были для Временного правительства опаснее бомб, потому что идеи Ленина давали рабочему классу России самое сильное оружие — уверенность в своей силе, в окончательной победе революции.

Владимир Ильич хорошо запомнил дочь старого финского рабочего. После победы Октябрьской революции она приехала в Москву и, не зная, куда пойти работать, обратилась к Ленину. Он расспросил её о здоровье отца, вспомнил дни Выборгского подполья и сказал, что советует ей пойти работать в Наркомат финансов:

— Опыт у вас по этой части кое-какой есть, вот и продолжайте работу.

О том, что именно Ленин позаботился об устройстве её на работу, убедительно говорит сохранившаяся в архивах анкета, заполненная Хильдур Хаарала. Против графы, в которой спрашивается, кем рекомендована на службу, она чётко написала:

тов. Лениным

Эд. АРЕНИН

Прав был Виченцо!

*Рассказ о том,
как выплыл раненый Чапаев
на другой берег Урала*

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ лет назад, в канун Октябрьских праздников, в ленинградском кинотеатре «Титан» в первый раз демонстрировался фильм «Чапаев». Огромная толпа осаждала кассы. Но билеты давно уже были распроданы. По случаю праздника объявили ночной сеанс, который должен был начаться в половине первого ночи. Несмотря на столь поздний час, билеты сразу же распродали.

Зрители, которым удалось посмотреть «Чапаева», с восторгом рассказывали друзьям и знакомым о незабываемом впечатлении от новой картины. И народ устремился в «Титан». У входа в кинотеатр дежурили милиционеры. Слава «Чапаева» росла и множилась с поистине волшебной быстротой.

Есть картины, которые раз посмотришь и, выйдя из кинотеатра, сразу же забудешь навсегда. Но кто видел «Чапаева», не забыл этой картины. Я сам смотрел фильм не меньше полусотни раз и всегда с захватывающим интересом, будто он демонстрировался передо мной впервые.

Когда «Чапаева» начали показывать и в других кинотеатрах, туда повалили мальчишки. В те времена в некоторые кинотеатры можно было войти в середине сеанса, сесть на любое место и оставаться в зале сколько угодно. Ребятам этот порядок был по душе. Некоторые просиживали в кино по пять сеансов подряд.

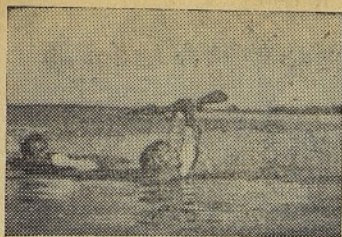
Одного такого любителя, целый день проведенного в кино, спросили:

- Почему ты не идёшь домой?
- Я жду, — задумчиво ответил мальчишка.
- Кого же ты ждёшь? Может быть, за тобой должны прийти?
- Да нет, я и сам дорогу домой знаю.
- Так чего же ты ждёшь?
- Может быть, он выплывет...

Действительно, многие никак не хотели смириться с тем, что полюбившийся им бесстрашный начдив Чапаев тонет под белоогвардейскими пулями в реке Урал. И были совершенно уверены, что Чапаев выплыл, что, набрав воздуха, он переплыл Урал под водой и вышел на другой берег. И они ждали.

Кто-то из ребят пустил слух, что в одном кинотеатре показывали «Чапаева», где начдив не тонет. И ребята ходили по городу в поисках этого кинотеатра. Приходят и спрашивают:

- У вас «Чапаев»?
- «Чапаев».
- Тонет?
- Тонет...

— Значит, это не здесь. Пошли, ребята. Есть где-то такое кино, где он не тонет...

Два года спустя ленинградцы снаряжали турбоэлектроход «Турксиб» в далёкий путь. На Пиренейском полуострове, в республиканской Испании, разразилась война. Гитлеровцы и итальянские фашисты вкупе с предателями испанского народа решили задушить испанскую республику. Наша страна сразу же пришла на помощь испанскому народу.

Северная часть Испании была отрезана мятежниками от остальной республики. Эта территория оказалась как бы в кольце. С суши её осаждали части мятежников, а с моря — вражеские корабли. Туго приходилось защитникам свободы. Не хватало оружия, продовольствия, одежды. Вот туда и направлялся «Турксиб» в октябре 1936 года. В его трюмах находились мука, сахар, медикаменты. На борту «Турксиба» был и я в качестве корреспондента.

Свыше десяти тысяч человек провожали советский корабль. Закончился митинг, остались считанные минуты до отхода, как вдруг на причале показалась автомашина. Раскрылась дверца, и из машины достали небольшой металлический ящик. Приехавший побежал с ящиком по трапу. Передав ящик лично капитану, он тут же возвратился на берег.

Что было в этом ящике? Ещё один подарок ленинградцев бойцам республиканской Испании. В ящике находились круглые коробки с кинолентой «Чапаев». О том, что было с «Чапаевым» в Испании, я и расскажу вам сейчас.

После десятидневного тяжёлого пути, изобиловавшего жестокими осенними штормами, после того, как мы, погасив огни, проскочили необыкновенно тёмной ночью мимо фашистских засад в Бискайском заливе, «Турксиб» около полуночи 1 октября 1936 года отдал швартовы в республиканском порту Сантандер. Не буду описывать, какой радостной была встреча советского корабля, прорвавшегося сквозь блокаду к берегам сражающейся Испании. Уже наутро началась передача грузов. Вскоре капитан Павлов вручил представителям Народного фронта и ящик с кинофильмом «Чапаев».

Близился праздник Октября. Трудящиеся Сантандера решили отметить его в самом большом кинотеатре города. После торжественного заседания на большом серебристом экране замелькали кадры «Чапаева». Картина не была озвучена на испанский язык и шла на русском. Нашли одного раненого горняка, который несколько лет работал у нас на шахте в Донбассе. Посадили его в первом ряду, дали микрофон, и он с грехом пополам переводил то, что звучало с экрана. Как после признался испанский шахтёр, переводил он плохо.

— Я говорю по-русски, но не настолько, чтобы быть переводчиком. Переводил я далеко не всё. Картина настолько увлекала меня, что я просто забывал временами о переводе.

Но как бы там ни было, уже первый показ «Чапаева» прошёл с огромным успехом. Наутро во всех газетах Сантандера, Бильбао, Хихона и других соседних городов были помещены восторженные отклики о «Чапаеве». А ещё через день со всех сторон посыпались заявки с просьбой показать картину в других местах. Решено было показать «Чапаева» прежде всего фронтовикам.

Случилось так, что через несколько дней ящик с кинолентой оказался в одном астурийском посёлке, расположенном километрах в двадцати от передовых позиций республиканцев. В посёлке находилось на отдыхе несколько воинских частей. Передышка была короткой, и уже на следующий день бойцы должны были снова отправиться на фронт, сменить товарищей. Им-то и решили показать «Чапаева». В посёлке был один-единственный старенький кинотеатр с громким названием «Аполло». Но этот «Аполло» не вместил бы и десятой части солдат, жаждавших увидеть картину, о которой так много писали республиканские газеты. Киномеханик Руис предложил прокрутить картину под открытым небом. Но с утра зарядил осенний дождь, и от предложения Руиса пришлось отказаться.

Посоветовавшись, некоторые командиры частей решили устроить несколько сеансов. Для этого киномеханику пришлось работать всю ночь напролёт. И не только киномеханику, но и ещё двоим. Одним из этих двоих был я. Ведь снова возник вопрос: а кто будет переводить? В то время я говорил по-испански очень плохо, много хуже, чем переводивший в Сантандере горняк говорил по-русски.

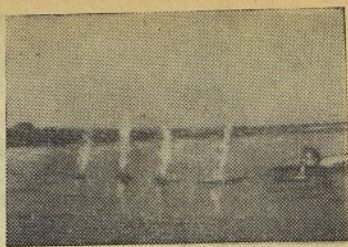
— По-испански знаю всего лишь несколько десятков слов и фраз, — говорю я командирам, — вот немецким языком владею хорошо.

— Мало радости, — засмеялись командиры, — кто из наших бойцов поймёт ваш немецкий перевод...

— Но, может быть, у вас найдется хоть один человек, знающий немецкий язык. Я бы перевёл ему с русского на немецкий, а он с немецкого на испанский...

И такой испанский боец нашёлся. Это был Рамон, студент из города Саламанки, где он раньше учился в одном из старейших университетов Европы. Я быстро договорился с Рамоном, худым волнующимся парнем. К сожалению, не нашлось здесь микрофона, но его заменил мегафон, небольшая металлическая труба.

И вот мы с Рамоном уселись в центре зала. Зал был небольшой, длинный и узкий. Мест в нём было триста, но вместил он, «поднатужившись», четыреста солдат. Кроме них у стен жались, примостившись на полу, горластая, весёлая орава астурийских ребятишек, невест как просочившихся сквозь строгий контроль. Ребята перебе-

гали с места на место, громко стуча обутыми на босую ногу деревянными сабо (башмаками). В зале было нестерпимо душно. Бойцы снимали куртки. Между ног они держали винтовки, с которыми нигде не расставались. Над зрителями висела густая пелена дыма, курить солдатам не запрещалось.

И вот механик Руис погасил свет. Началась демонстрация фильма. Зазвучала русская речь. Я не очень громко переводил на немецкий Рамону, а он во весь голос орал в мегафон. Всё шло нормально до того места в картине, когда белогвардейские части каппелевцев начали против чапаевцев психическую атаку. Едва ряды надменных, злобных, внешне невозмутимо хладнокровных головорезов начали свой марш, сразу же замер переполненный зал «Аполло». Были слышны взволнованное, учащённое дыхание зрителей и чеканный, как на параде, шаг идущих в атаку белогвардейских рядов.

И тут произошло нечто необыкновенное. Многие бойцов картина захватила настолько, что они позабыли о том, где сидят. Им показалось, что это происходит на самом деле. Астурийские шахтёры, басконские металлисты, кастильские крестьяне — бойцы, защищавшие свободу родной Испании, они не могли равнодушно смотреть на то, как всё ближе и ближе к чапаевским позициям подходят ряды каппелевцев. В этих проклятых каппелевцах они видели своих врагов — франкистов, германских и итальянских фашистов. Как же здесь останешься безучастным?.. Бойцы следили за Анкой-пулемётчицей, с нетерпением ожидая, что вот-вот она нажмёт на гашетку пулемёта. Чего ж она медлит? Ведь враг подходит всё ближе, ближе. Кто-то из бойцов не выдержал и громко крикнул:

— Ромперо фуэго! Фуэго! (Открывай огонь! Огонь!),

Но Анка-пулемётчица не стреляла.

И уже не один, а десятки возбуждённых голосов кричали:

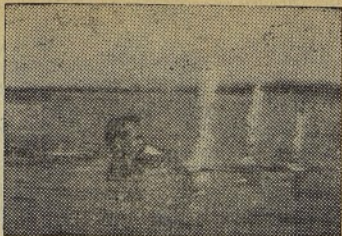
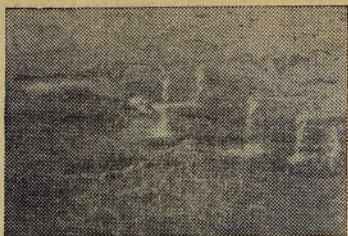
— Фуэго! Ромперо фуэго! Фуэг-го!

Всем им казалось, что Анка оцепенела от страха перед наступающим парадным строем беляков. Уже чуть ли не весь «Аполло» ревел:

— Фуэго!

А пулемёт молчал. И вдруг прогремели наконец три выстрела. Но не из пулемёта и не на экране. Кто-то открыл огонь из зала. Полотно экрана слегка дрогнуло и вновь застыло.

Поднялась суматоха. Одни кричали, требуя от Анки открыть огонь, другие тоже громко требовали включить свет, чтобы выяснить, кто же это стрелял из зала. На беду в ту минуту механик Руис, изнывавший от духоты в своей будке, спустился вниз, чтобы выпить бутылочку прохладительного астурийского сидра... А крик продолжался. Трудно сказать, чем бы закончилась вся эта кутерьма. Но выручила Анка. Подпустив ещё ближе белогвардейские шеренги, она наконец дала первую пулемётную очередь. И как по ману-

вению волшебной палочки, «Аполло» затих. Четыреста бойцов облегчённо вздохнули. Стрекочет чапаевский пулемёт. Дрогнули капелевские цепи, и «Аполло» вновь восторженно загудел.

Но вот картина кончилась. Солдаты молчали. Никак не верилось им, что волны Урала поглотили легендарного героя. Сидят и не поднимаются со своих мест. Вроде бы ждут какого-то волшебства, которое поможет Чапаеву выплыть. В это время на небольшое возвышение перед экраном поднялся командир батальона товарищ Хуан.

— Кто стрелял? — властно и строго спросил он.

Сидевшие в передних рядах обернулись назад, а находившиеся в последних рядах смотрели в центр зала. И тут все увидели поднимавшегося со своего места невысокого, очень смуглого человека с узенькой чалмой на голове.

— Ибрагим? Ты? Ты стрелял?

— Да, командир, я стрелял, — смущённо ответил боец.

— Иди-ка сюда ко мне, — приказал комбат.

Ибрагим с трудом пробирался сквозь тесные ряды. С винтовкой в руках он подошёл к командиру. Весь батальон знал Ибрагима. Это был один из марокканцев, которых фашистский генерал Франко обманом увлёк на войну из испанского Марокко. В первом же бою он перебежал к республиканцам, не желая сражаться против таких же простых людей, каким был сам. Это был храбрый боец.

Комбат посмотрел на него в упор и спросил:

— Из винтовки?

— Нет, командир, вот из чего...

И показал маленький трофейный пистолет, который он отобрал у захваченного им унтер-офицера франкиста.

— Ведь ты мог кого-нибудь уложить, — строго упрекнул его комбат.

— Нет, командир, я вскочил и стрелял поверх наших людей в тех, кто шёл в атаку. Я терпел, терпел, потом не стало больше силы терпеть, а они всё идут и идут. Я не выдержал, ведь надо было, надо было стрелять...

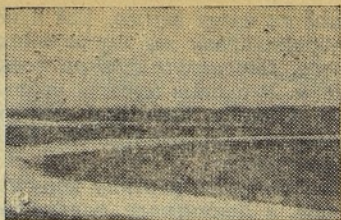
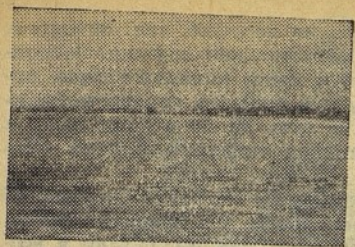
Зал молчал. Все ждали, что предпримет комбат. И некоторые бойцы начали кричать:

— Простите его, командир... Всего три дырочки на экране... Это ничего, можно заклеить. А Ибрагим, ведь вы сами знаете, храбрый солдат...

Комбат хлопнул марокканца по плечу:

— Иди и больше не балуй...

Через десять минут новых четыреста бойцов заполнили «Аполло». Шесть сеансов подряд крутили мы ленту «Чапаев». В середине ночи дождь перестал. И тут решили для всех оставшихся пропустить картину под открытым небом. Каково было моё удивле-

ние, когда среди зрителей я увидел несколько сотен ребят. Они пришли сюда из окрестных посёлков. Ни дождь, ни тёмная осенняя ночь, ни холодный порывистый ветер, шквалами налетавший с Кантобрийских гор, — ничто не могло удержать их дома. И они дождались своего — увидели «Чапаева».

После просмотра ребята окружили меня, и один из них, черноглазый Виченцо, спросил:

— А вторая серия будет?

— Нет, это уже вся картина...

— Обязательно должна быть вторая серия, — настаивал парнишка.

— Почему же обязательно?

— Чапаев под водой поплыл, а куда, где он вышел на берег, как дальше воевал?

— Чапаева смертельно ранили, и он утонул.

— Нет, этого не может быть... Чапаев обязательно выплывет.

В 1939 году мятежный генерал Франко с помощью германских и итальянских фашистов одержал победу над республиканцами. Многие солдаты-республиканцы вынуждены были покинуть свою родину. Мне довелось встретиться с некоторыми бойцами, с которыми я познакомился в Астурии. Один из них, товарищ Пабло, бывший учитель из школы близ Ларедо, рассказал мне:

— Ленту «Чапаев» мы берегли как святыню. Крутили её сотни раз, она изнасилась, но смотреть можно было. Когда мы уходили с родной земли, подумали о том, как быть с «Чапаевым». Решили спрятать, чтобы не достался он фашистам. Под Хихоном закопали мы железный ящик с фильмом в одном тайнике... Придёт время, и откопаем самый прекрасный фильм, который нам довелось видеть...

Прошли годы. «Чапаев» так и не сходит с экрана. То в одном кинотеатре, то в другом, то в клубе, то в школе мелькают на экранах кадры знаменитой картины.

Как-то довелось мне быть на просмотре «Чапаева» в одной из школ Московского района. Когда сеанс окончился, как всегда, посыпались разные вопросы. Вдруг один парнишка громко на весь зал спрашивает:

— Скажите всё-таки правду: выплыл Чапаев или нет? Мой папа, воевавший с фашистами, говорил, что выплыл. Папа сам видел в кино, как на другой берег Урала выбрался из реки товарищ Чапаев. А раз папа говорит, что видел, значит, видел, он врать не умеет... Где же нам посмотреть кинокартину, в которой выплыл Чапаев?

Сотни ребячьих глаз сверлили меня в ожидании ответа.

— Твой отец верно говорил, — ответил я. — Была такая картина. В школьном зале наступила, как говорят, мёртвая тишина.

— Вот, ребята, как это произошло. В 1941 году гитлеровцы на-

пали на нашу землю. Всё перестроилось на военный лад. Заводы и фабрики сразу же переключились на изготовление оружия, боеприпасов. Переключились на военный лад и наши кинорежиссёры, артисты. В первые месяцы войны начали они снимать короткометражные фильмы. Сценарий для них писали чуть ли не в один день, а снимали одну-две недели. Так был написан сценарий фильма «Чапаев с нами».

Поставить картину поручили режиссёру В. Петрову. Снимали её у нас, в Ленинграде, только не в самом городе, а в Озерках. Работа шла в настоящей боевой обстановке. Бухали зенитки, гудели в воздухе наши истребители, не допуская фашистские самолёты к Ленинграду. Сделали картину быстро. Вскоре состоялся её просмотр. Мне, бывшему тогда военным корреспондентом, поручили рассказать о новом агитфильме во фронтовой газете.

Погас свет, и на экране возник кадр: раненый Чапаев силится переплыть Урал. И представьте, — это ему удалось! Вот он выбирается на берег, вода течёт с него ручьями. Видит он трёх человек... С оружием... Свои или нет? Приглядывается — замечает красные звёздочки. Свои, значит. Идут навстречу Чапай и три бойца — пехотинец, лётчик и танкист. Это бойцы времени не гражданской войны, а сорок первого года.

Поздоровались. Интересуется начдив, что творится на родной земле. А бойцы рассказывают ему, что германские фашисты напали на Советский Союз. Слушает это Чапаев, и вскипает кровь красного полководца. Позабыл о ранах, позабыл обо всём. Помнит только одно — злобный враг топчет родную землю, сжигает наши города и сёла, убивает советских людей. И отправляется Чапай на битву с фашистами. Вскочил на коня, шашка наголо, полощется чёрная бурка на ветру... Мчится начдив впереди наших полков и батальонов прямо в бой... «Чапаев с нами», — бежит молва из роты в роту, из полка в полк, по всей армии летит радостная весть...

Вот и вся эта маленькая картина...

Рассказал я это ребятам, и вспомнил мне испанский мальчик Виченцо, который уверял меня, что должно, обязательно должно быть продолжение «Чапаева». И ведь прав был смуглолицый Виченцо. Пришлось выплыть Чапаю и сражаться за родную Советскую землю.

Конечно, всё это придумали режиссёры и сценаристы. Но всё равно, и большой фильм «Чапаев» и маленький короткометражный «Чапаев с нами» поднимали дух советских бойцов, помогали добыть великую победу.

19

Я знал, что они ужинают, но, когда я вошёл в квартиру и громко хлопнул дверью, в комнате, где они сидели, была полная тишина, — а они были там, я знал.

Я разделся, вошёл в комнату и остановился у самой двери и стоял так с полминуты, глядя, как они сидят и молчат. Ни ложкой не брякнут, ни

тарелкой, ни стаканом. Они даже не шевелились и не смотрели на меня. Папа уткнулся в газету, мама, отвернувшись от двери, глядела в окно, Зика сидела ко мне спиной. Что-то случилось.

— Иди на кухню, Зика, — сказала мама.

Папа закашлялся, встал и юркнул в свою с мамой комнату. И Зика ушла. Глупо, конечно, — и в кухне, и в комнате всё равно всё слышно.

Окончание. Начало в «Искорке» № 8 за 1969 г.

— Как это могло произойти? — спросила мама. Она строго посмотрела на меня, но тут же отвернулась. Я уже догадался, что случилось что-то со мной, но что именно, честное слово, я не знал.

— Что произошло? — спросил я.

— И ты не знаешь?

— Нет.

— Прекрасно, прекрасно. Во-первых, зачем ты скрыл, что у вас родительское собрание?

— Я скрыл?!

— Разумеется.

— Я не скрывал.

— Но ты же не сказал, что оно будет.

— Нет, не сказал. Но я и не...

— Я-то понимаю, почему ты скрыл, но это же отвратительно, я совсем-совсем не ожидала.

— Чего ты не ожидала?!

Ужасно глупо и противно было оправдываться, тем более неизвестно ещё в чём, но я сказал всё-таки:

— Честное слово, я не знаю, что происходит. Мне ничего не известно.

— Но это всё ерунда! — продолжала мама. — Если ты вдруг — хотя это совершенно-совершенно нелепо! — действительно не знал, что оно будет, то наш разговор всё равно состоится...

— Какой разговор?!

— А если ты знал о собрании...

— Я ничего не знал, ничего!

— ...А если ты знал, то мне

совершенно понятно, почему ты это скрыл от меня.

— Ничего я не скрывал! Я же дал честное слово!

— Когда у человека две двойки: по арифметике и географии, ясно, почему он скрывает родительское собрание!

— Какие двойки? — тихо спросил я, как бы крикнул, но медленно и тихо.

— По арифметике и географии — вот какие! Или, может быть, ты их не получал?!

— Я их не получал!

— Правда?! Вот новости! Но я-то их видела! Собственными глазами! Совершенно случайно, когда ушла с Зикиного родительского собрания — у неё-то, слава богу, всё в порядке! — я узнала, что и у тебя собрание. Я просто бросилась туда, в твой класс! Но я опоздала. А Евгения Максимовна уже ушла. И там были все родители или не все, я не разобралась, и они рассматривали журнал, и я посмотрела...

— Очень жаль, что её не было! — сказал я.

— А почему это жалко, что её не было?

— Потому что она, если бы увидела эти двойки, всё равно бы догадалась, что они не мои.

Я так и не знаю, почему я выскочил из дому и решил поехать к Евгении Максимовне: мне-то ясно было, что она вполне верит, что эти двойки не мои, но я решил поехать. Я почти скатился вниз по лестнице, и вдруг кто-то заорал мне сверху:

— Гром! Ты куда?

Я поглядел наверх — там, на этаж выше, стоял Жорка Питомников.

— Привет, — сказал я. — Ты к своему Генералову?

Он ничего не ответил мне и спустился вниз.

— Слушай, — сказал он. — Я всё знаю про эту историю. Дурацкая история, ничего не скажешь.

— Про какую историю? — спросил я.

Он говорит:

— Может, ты сам не знаешь? Я про эти двойки твои несчастные.

— Я знаю, — сказал я. — А тебе-то это откуда известно?

— Ну, моя была на собрании и видела там твою, они обе журнал листали и разговорились. Моя, как пришла,

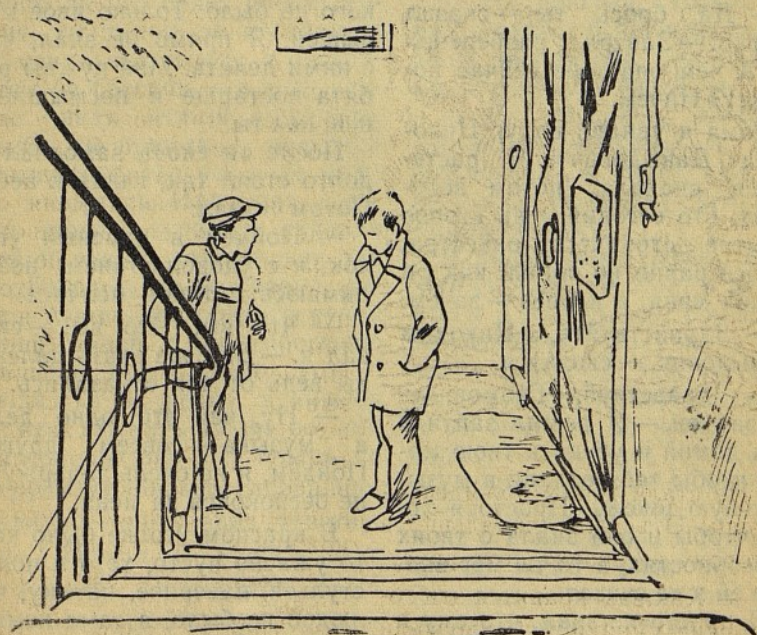
сразу мне всё и выложила. Я вот и думаю, чья это работа. Я-то знаю, что ты их не получал.

— А мне и неважно, чья это работа. Я об этом и не думаю. Ты к своему Генералову, что ли?

— Да нет, — сказал он. — Я... да я к тебе решил заскочить, раз такая история. Мне моя про твою рассказала, как она разохалась, я и подумал, может, мне к тебе заскочить и сказать, что к чему.

— Не надо, — сказал я. — О чем говорить, раз она мне уже не поверила. Ты ей объяснишь, она поверит, но не в этом главное... Мне-то она не поверила.

— Ещё бы, — сказал он. — Двойки-то стоят.

— Хорошо как раз, если бы она мне всё равно поверила. Пусть думает что угодно, но если я сказал, что не знаю, в чём дело, значит, надо верить. Ты сам-то это понимаешь?

— Я-то понимаю, но ведь пары стоят.

— Ну и что? Вот когда она их увидела, она вполне могла думать, что они мои. Чьи же ещё? И всё равно лучше, если бы, увидев эти пары, она решила, что я не успел ей сказать. А она сразу заявила, что я скрыл. Когда так не верят, хоть из дому беги.

— А ты что, бежать собрался? Как реактивный мимо меня пролетел.

— Да нет, — сказал я. — Я к Евгении Максимовне хотел заскочить, только не знаю зачем.

— Да брось ты, — сказал Жорка. — Завтра разберёшься. А чем она тебе сейчас поможет? Ничем.

Дома я увидел вдруг Никодима Давыдовича. Я растерялся сначала, потом вспомнил, что сегодня ведь второе занятие струнного оркестра, но всё равно не понял, как он нашёл меня, а вернее — зачем.

— Здравствуйте, Никодим Давыдович, — сказал я.

— Здравствуй, Громов, — сказал он. — Я решил зайти к вам домой и убедить твою маму, чтобы тебя отдали в музыкальную школу. Просто я хочу, чтобы и она знала о твоих способностях, а то ты мог вполне ей и не сказать.

Я просто не знал, что ему и ответить.

— Теперь я поеду, мне далеко домой добираться, через весь город.

— Можно я провожу вас немного? — спросил я.

— Митя! — сказала мама. — А если я хочу предложить человеку чаю? Так же невежливо.

Я промолчал. Я не мог и не хотел с ней говорить, да к тому же и так ясно было, что человек торопится и ему не до чаю.

— Вы только, ради бога, не беспокойтесь, — сказал Никодим Давыдович. — Я не могу пить чай, очень уж далеко мне ехать. До свидания, благодарю вас.

Мы спустились с ним по лестнице вместе, и оба молчали, а потом он сказал:

— Сегодня на занятии никого не было. Только двое малышей. Я прямо не знал, что с ними делать. Мне нужны ребята постарше и посмышлёней, как ты.

После он снова замолчал и долго стоял так, глядя в небо. Потом сказал:

— Пойдём в красный уголок, я с удовольствием познакомлюсь с тобой полчаса.

— Что вы! Что вы! — сказал я. — Вам же ехать далеко, вы ведь от чая отказались.

— Ну, чай это одно дело, а музыка — совсем другое. Пойдём, я не очень задержусь, не беспокойся за меня.

В красном уголке было как-то ужасно пусто, хотя и полно стульев, наверное, потому, что людей не было, а сама комната была огромной и с низким

потолком. Мы прошли с Никодимом Давыдовичем к столу в дальнем конце, он взял в руки мою скрипку и сказал:

— Послушай меня внимательно. Кстати, ты, конечно, не знаешь нот?

— Нет, — сказал я.

— Ну это не страшно, это дело наживное, ты запомнишь их потом, как таблицу умножения. Главное не в этом. Главное в том, что ты так и не поверил, что можешь стать прекрасным музыкантом, вот и на занятия не пришёл сегодня, а мне очень жаль, очень жаль, если ты так и не поверишь в себя. И я знаю, чего хочу, — поэтому я и попросил тебя зайти сюда, — чтобы у тебя прежде всего была правильная постановка обеих рук. Мало ли что будет потом, может, ты так и не пойдёшь в музыкальную школу, а инструмент не бросишь — в этом случае никак нельзя допустить, чтобы ты привык к неверной постановке, так всё дело можно испортить. Иди сюда, возьми теперь скрипку, сначала левой рукой, положи вот так подбородок, та-ак, верно, теперь правильно обхвати рукой гриф, давай я тебе поставлю пальцы, этот — сюда, этот — сюда. Та-ак, верно, а смычок нужно держать таким вот образом, поставь его теперь на струны, правильно, теперь проведи им сверху вниз, чувствуешь? Нет, я не ошибся, звук отменный. Постарайся запомнить постановку рук не только головой или глазами — ты

понимаешь меня? — а своими руками, просто постарайся почувствовать, как надо держать инструмент — сейчас ты держишь его абсолютно верно. Другой раз я посмотрю, как тебе удалось всё почувствовать и запомнить. Ты только пойми главное: сразу, конечно, ничего не выйдет, но стараться надо изо всех сил, следи за постановкой — научиться легче, чем потом исправлять. А теперь я пошёл, поеду домой. Ты останешься? Или тоже домой?

— Не знаю, — сказал я. — Я, пожалуй, побуду здесь немного. Поиграю.

Не хотелось мне ему говорить, что домой меня не тянет, и огорчать его, что я из-за этого остаюсь, тоже не хотелось.

— Ну поиграй. Только думай о руках. А ключ потом отдашь дворничихе, или она сама придёт. До свиданья.

— До свиданья, Никодим Давыдович, — сказал я, и он прошаркал в своих галошах по всему красному уголку и вышел наружу.

Я долго сидел один, положив скрипку на стол, и думал, зачем я ему нужен, Никодиму Давыдовичу. Что у меня оказался какой-то там прекрасный звук (хотя, честно говоря, я не очень-то до конца в это верил) — это было мне понятно, но ради чего он со мной носится и какой ему в этом толк — я не понимал. Да и чему он может меня научить? Это ведь не музыкальная школа. Так себе — кружок. Да и какой это кружок? И не ходит-

то никто. Не будет же он только из-за меня ездить!

Я опять взял со стола скрипку, приставил её к плечу, положил, как надо, подбородок и провёл смычком по струнам, получился звук. Неужели и вправду ничего себе звук? Провёл ещё раз. Вроде бы ничего. Густой такой, ровненький. Я передвинул палец по грифу пониже — звук получился новый, другой. Я стал двигать палец туда-сюда и вдруг разобрал мелодию — корявую маленько и какую-то незнакомую, но мелодию ведь все-таки, а не то чтобы шалей-валяй, не просто смычком размахался. Я попробовал сыграть её ещё раз, и она даже вроде получше получилась. Или мне только показалось. Не знаю.

Через стеклянные двери школьного вестибюля я увидел контроль, ребят семиклассников, но Тома не было. Зачем стояли эти семиклассники, было неясно, народу никого ни в вестибюле, ни на улице. Тома не было точно, но я пошёл прямо к контролю.

— Проходи, — сказала мне девчонка с огромным синим бантом.

— А Тома где? — зачем-то спросил я.

— А зачем она тебе?

— Она обещала провести меня на вечер, сегодня ведь семиклассники.

— Шестые и седьмые, — сказала она.

Я пошёл раздеваться, подумав, что всё-таки с вниманием у меня до сих пор беда, лечиться, что ли, надо? Навер-

няка раз вечер, то было объяснение, плакат, а если и не было, то наверняка в школе говорили: шестых и седьмых, а я, наверное, краем уха услышал и решил, что седьмых. Понятно, почему я так и сказал Томе, но вот почему она мне не сказала правду — неясно. Дурака валяла, что ли? Ну да это неважно, думал я.

Действительно, когда я разделся, пригладил волосы и поднялся наверх, в коридоре перед актовым залом наших было полно. Валера Щучко стоял в шикарном костюме вместе с Цыплаковым, и оба они были ужас какие гордые.

— Привет, — сказал гордый Цыплаков. Щучко, ехидна, только кивнул. — Что так поздно?

— Да я вообще не знал, что и шестые сегодня тоже, — сказал я. — Только потом и узнал.

— Ты странный человек, Громов, — сказал Цыплаков. — Я же сам к тебе подходил в классе и спросил, будешь ли ты выступать с каким-нибудь номером на вечере, но ты ничего не ответил, а устоял на парту. Но я не стал повторять: если человек не намерен тебе отвечать, бессмысленно настаивать.

— Слушай, — сказал я. Я даже смутился, хотя и пижонил всюю. — Я тебе пионерское даю, что я не слышал, ты не сердись.

— Невнимание не может смутить меня, можешь не извиняться.

— Да я тебе честное пионерское даю!

— Так что же ты делал, если не слышал?

— Отключился.

— И что делал?

— Ну думал о чём-то, откуда я могу помнить.

Мимо нас пролетела Галка Чиждова, расфуфыренная — уму непостижимо.

— Ты странный тип, Громов, — сказал Цыплаков, и Щучко ехидно скривил губы.

— Извини, Цыплаков, — сказал я, и пошёл по коридору дальше, потому что где-то там мелькнул Жорка Питомников. Навстречу прошли под руку Александрова-Пантер и «Пумка» Луфарева, обе они ни на кого не смотрели и загадочно шептались. Где-то слева от меня промчался Бочкин, все остальные были лица мне малознакомые, то ли семиклассники, то ли из шестых классов, но не из нашего. Сзади меня заиграли на губной гармошке.

И тут же зазвенел звонок к началу концерта.

Может быть, это опять покажется странным, но концерт я почти не помню, я его как следует и не смотрел. Кое-что промелькнуло, конечно. Одна девчонка, например, привела из дому дрессированную собаку и та показывала номера. Ещё неплохо выступили гости из соседней школы — черкесский танец. Из наших (ну, из моего класса) был Генка Грушков, читал смешные какие-то стихи, не помню чьи, но очень смешные.

Я сидел, поглядывая иногда на сцену, но думал о своём.

Я вспомнил вдруг Сибирь, холодную зиму и развилку двух дорог, километрах в двенадцати от нашего города. Я гнал домой на лыжах и вдруг увидел машину на развилке. В кабине почти лежал человек и стонал. Я растолкал его — холод был приличный. Еле-еле он сумел объяснить мне, что он не знал, куда ехать — налево или направо, не знал, где будет населённый пункт. В общем, он правильно сделал, потому что по одной, не по нашей дороге, на триста километров жилья не было. Я сел вместе с ним в кабину, и мы доехали до нашего города. Он вёл машину и скрипел зубами от боли, я видел, что с ним неладно, и не спрашивал, в чём дело. Потом уже я узнал, что у него был тройной перелом ноги и это с ним произошло километров за двести до нашего городка. Но он доехал, сумел.

Перед глазами у меня мелькало то лицо Никодима Давыдовича, то лицо Дымшица, вдруг — папино, и неожиданно я вспомнил опять мою птичку, которая умчалась в небо. После в голове у меня завертелась мелодия, которую я нечаянно сочинил на скрипке, и сразу же я услышал незнакомый голос, который произнёс совершенно непонятные слова: «Ищи себя, Громов». Я поглядел на сцену — ничего подобного, голос шел не оттуда, там пели хором четыре девчонки. «Ищи себя, Громов». Что это значит? Что это за голос я услышал внутри себя? И глав-

ное — почему? Как я мог услышать, именно услышать, а не подумать, слова, которые я совсем не понимал?

Я вспомнил Табуретку, ну ту огромную собаку из Сибири, которая любила кататься на лыжах, Саню Круглова — он научил меня делать свистульки из акации, вдруг — Рыбкину, и как я бегу от неё, сунув ей в руки лотерейный билет, мол, нă, возьми и не сердись на меня, и тут же

опять этот голос произнёс где-то внутри меня: «Ищи себя, Громов».

«Ищи себя, Громов». Ничего-го я не понял!

Кончился концерт, и начались танцы. Довольно весело было. Несколько раз я искал глазами Евгению Максимовну и Рыбкину, но ни той ни другой не было. Я не танцевал, я не умею, я просто сидел в углу на стуле, в довольно удобном месте и глядел, как

танцуют другие. Потом я увидел Тому. Она, может быть, всё время была в том конце зала, и поэтому я её весь вечер не видел, я почему-то не вспомнил о ней, но мне показалось, что не потому, что не видел: вполне возможно, что она всё-таки появлялась и в этом, моём, конце зала, но я не обратил внимания.

Но я ещё столкнулся с ней в этот вечер, не на самом уже вечере, а когда танцы кончились, и все повалили в раздевалку. Я и Жорка Питомников одевались рядом с ней и вместе вышли на улицу. И тут, когда она уже сбежала по лестнице вниз, а мы только начали спускаться, я увидел, как на встречу ей идёт... Вербицкий, английский мальчик, этот белый свитер... Я не знаю, как сказать, — но что-то ударило меня прямо в сердце, что-то вроде большой пули, и осталось там.

Вербицкий сказал:

— Привет, Том! — И взял её под ручку. — Ты извини, что я не пришёл на ваш балаган, были неотложные дела.

— Ничего, — сказала она. — Ерунда был вечер.

— Подожди, Жорка, — сказал я, хватая его за руку, и крикнул: — Тамара!

Она обернулась, и я подбежал к ней. Пуля так и сидела у меня в сердце.

— Извини, — сказал я. — Можно тебя на секундочку?

Она подняла брови, оглянулась на Вербицкого, а он отвернулся молча, будто не уз-

нал меня, и она отошла немного в сторону.

— Прости, — сказал я. — Можно я у тебя спрошу?

— Ну!

— Болели у тебя не так давно уши?

— Какая глупость! Ну и что? Ну болели.

— А было так, что, когда они болели, ты выходила на улицу, гуляла?

— Ну было.

— С больными ушами?

— Ну когда полегче стало. Глупо. А что?

— А ты не была на стадионе? Не гуляла с...

— Ну, гуляла. Ну и что?

— Всё, — сказал я. — Спасибо. Извини. Я очень, очень рад, что ты тогда не сумела схватить мою птичку, хотя я совершенно не сержусь, честное слово.

Я повернулся и пошёл. Жорка ждал меня. Он не глядел на меня и не тронулся с места, когда я подошёл.

— Знаешь... Жорка, — выдавил я из себя. — Ты что собираешься делать?

— Да не знаю, — сказал он и поёжился.

— А я... знаешь, сейчас пойду, мне пройтись надо. Понимаешь... я... у меня что-то с головой не в порядке...

— Конечно иди, Гром, — сказал он.

Я долго ходил вокруг искусственного пруда, пока боль в сердце не утихла немного, и пошёл домой.

Мама схватила меня за руку, утащила на кухню и закрыла дверь.

— Прости меня, — сказала она. — Я всё знаю. Не сердись, я звонила вашей Евгении Максимовне, я узнала в школе её телефон и позвонила. Она сказала, что всё уже знает: какой-то товарищ — кажется, Питомников, да, Питомников, — всё рассказал ей; ты сам не стал бы жаловаться, я теперь понимаю. И она сказала, что это вовсе не твои двойки, как они к тебе попали, ей неизвестно, но она уверена, что не твои, что иначе ты бы сам сказал мне. Мне так стыдно, так стыдно. (Я стоял около неё, и меня колотило.) Когда я их увидела в журнале, я не могла думать, что они не твои, но когда ты сам сказал мне, что они не твои, я обязана, обязана была поверить тебе, даже если мне было непонятно, откуда они. Неужели ты не простишь меня? (Меня страшно колотило.) Неужели ты никогда не простишь мне, что я позвонила Евгении Максимовне?! Прости меня!

Она прижала мою голову к себе, и что-то сдавило мне горло. Мне было так стыдно за себя, слов не найти.

— Мама, — сказал я, еле выдавил из себя, — не надо. О чём ты говоришь?! Всё в порядке, всё в порядке. — И вдруг понял, что сейчас произойдёт, я рванул от неё, отскочил и бросился из квартиры.

— Я сейчас! — крикнул я. — Не волнуйся! Не надо волноваться! Я забыл кое-что.

Я летел по лестнице вниз, этажи так и мелькали — один,

один, ещё один... И всё-таки я не успел выскочить на улицу и разревелся прямо на лестнице, разревелся, как слюняй, ужас какой-то.

21

— Стыдно! — сказал Радик Лаппо. — Мне так очень стыдно. Не успел человек приехать в Ленинград и поступить в новую школу, а какой-то подлец потихоньку влил ему в журнал две пары!

— Да брось ты, — сказал я. — Ни на кого я не сержусь. Разобрались, что не мои двойки, и хватит.

— Погоди, — сказала мне Евгения Максимовна. — Не мешай. Пусть все, кто хочет, высказываются.

После пятого урока она сразу же вошла в класс, велела всем остаться, и тогда я понял, почувствовал, о чём пойдёт речь. Она объявила всем, что произошло, в классе зашумели, и после стало тихо. Она сказала, и глаза у неё были чернее чёрного:

— Я, ребята, не люблю такие истории. И не только потому, что это стыдно для класса и для каждого из нас, но и потому ещё, что любой из нас, кто знает, что он не виноват, начинает плохо думать о ком-то из своих товарищей. Стыдно это ещё и потому, что приходится вести вроде как допрос, и потому, что тот, кто это сделал, мучается и боится признаться, — мне даже жалко его, этого человека. Но вот что я вам скажу — не думайте, пожалуйста, что я собираюсь

держат вас в классе до тех пор, пока этот человек не признается. Ничего подобного. Мы поговорим полчаса, обсудим этот поступок, тот, кто хочет, выскажется, и мы разойдёмся. Я в принципе не против, чтобы этот человек так и остался со своей тайной. Возможно, ему будет нелегко, но я не собираюсь никого брать измором.

Все опять зашумели, стали переглядываться и пожимать плечами, после кто-то выступил, не помню уж кто, за ним Галка Чицова, она сказала, что это подло, то, что случилось, потом Евгения Максимовна вышла из класса, и тогда все стали орать и спорить, и мне вдруг стало противно, потому что всё это было как бы из-за меня и ещё потому, что я понял, что некоторые орут, боясь, что думают на них.

Вернулась Евгения Максимовна. Тогда выступил Радик Лаппо. После него опять наступила тишина, и в этой тишине молчаливый Генка Грушков сказал:

— Евгения Максимовна, прошло полчаса?

Кто-то хихикнул, а она сказала:

— Осталось пять минут, Генка.

— Мало осталось, — сказал он. — Ну ладно, это я вкатил ему двойки.

Все повернулись к нему, грохнули крышки парт, и сразу стало так тихо, как не бывает даже на уроке.

Генка стоял, растопырив свои уши и слегка улыбаясь.

— Почему ты это сделал, Гена? — спросила Евгения Максимовна.

— Да знаете, — сказал он, всё улыбаясь. — Трудно поверить, но вот к нам в гости приехал геолог и путешественник, очень неразговорчивый старик, но стоило мне самому получить пару по географии, как он так разошёлся, что я удивился. Он сказал, что это стыд и преступление — не знать географии, и битый час рассказывал такие интересные истории из своих путешествий, что я слушал затаив дыхание. После я его просил рассказать ещё, но из него ведь слова не вытянешь, вот я и решил сам себе вклеить пару, не дожидаясь, когда меня вызовут, и в дневник себе поставить, чтобы он ещё порассказал. Видно, я ошибся, ведь наши фамилии рядом, и вклеил пару Громову.

Все жутко хохотали, когда он кончил, но Евгения Максимовна даже не улыбнулась.

— Садись, Гена, — сказала она. — Я не сержусь, но не стоит брать вину на себя — это не выход, тем более что ты забыл о второй двойке Громова, по арифметике.

— Да-а, это я не учел, — сказал он и сел, и сразу же громкий голос басом произнёс:

— Это я сделал! Я!

Все поглядели на Бому — он уже шёл к столу Евгении Максимовны.

— Скажи, Боря, это правда? Я могу быть уверена? — спросила она.

— Да, — сказал он и опустил голову.

— Идите домой, ребята, — сказала Евгения Максимовна. — А ты, Боря, пожалуйста, останься ненадолго.

Все спускались по лестнице и обсуждали эту историю, но я не слушал ничего и молчал. Я сразу же ушёл от всех и пошёл домой не вокруг школы, а через школьный двор и после не по своей улице, а по другой, чтобы очухаться от всего, что произошло. И тут кто-то окликнул меня: «Громов! Громов!» Я обернулся и увидел Рыбкину, она совсем запыхалась.

— Громов! — сказала она. — Погоди минутку.

Я остановился.

— Вот, — сказала она. — Я шла за тобой. Слушай. Генка, конечно, пошутил, но Бобу Макарову все поверили! Только это не он сделал, это я, и ты верь мне, это я, честное слово. Я не буду говорить тебе, почему я это сделала, неохота, и почему в классе не сказала, тоже не буду объяснять, только я не подлая, нет. Вот, возьми свой лотерейный билет, мне подарки ни к чему, и жалеть меня нечего, и не разговаривай со мной больше, хотя я совсем, совсем на тебя не сержусь, ты ведь не виноват, что хочешь дружить не со мной, а я не подлая, нет...

И она заплакала и убежала.

Я постоял, ошарашенный, с полминуты и после со всех ног бросился обратно в школу. Я пролетел мимо Боба Макарова (он как раз выходил из вестибюля), бросился вверх по лестнице, ворвался в класс — Евгения Максимовна сидела за столом, обхватив голову руками. Она не сразу, но всё-таки обернулась.

— Это не он, — сказал я, тяжело дыша.

— Кто «не он»?

— Не Макаров, нет!

— Почему ты так решил?

— Я не решил, я узнал... Один... один человек из нашего класса сам мне признался, он вовсе не просил, чтобы я не называл его, но я вас очень прошу, вы не спрашивайте у меня, кто это, я вас очень прошу, но ребятам скажите, что это не Боб.

— Вы меня совсем запутали, — сказала она. — Может, ты теперь хочешь снять вину с Макарова, просто выдумал, и всё. Все вы, дорогие мои, большие выдумщики.

— Даю вам честное слово, — сказал я.

— Я верю, — вздохнув сказала она. — Тем более что мне и самой показалось, что Макаров специально это сделал, признался.

— Да, он специально, — сказал я.

22

Я просто обомлел, когда увидел, проведя пальцем вдоль строчки лотерейной таблицы, что мой билет выиграл. Выиг-

рал, честное слово! И главное, здорово — лыжи с креплениями и лыжные ботинки! Ну я думаю, что и палки, хотя в газете было не написано.

Подумать только! Единственный раз в жизни купил лотерейный билет и выиграл именно лыжи: скоро ведь зима, а я свои оставил в Сибири, ни в один ящик не влезали, да к тому же были не ахти какие, старенькие. Честно, у меня всё-таки бывают невероятные совпадения.

И я веселился вовсю, когда поехал дальше, по маминой просьбе, по делу.

— Дорогой, — сказала она. — Сделай уроки, пообедай и отвези папе поесть в его институт. Он до твоего прихода примчался (телефона ведь у нас нет, и я волновалась бы) и сказал, что будет в институте допоздна, они добивают там свою установку. Я приготовлю ему ужин, а ты отвези его к восьми часам, папа встретит тебя в вестибюле.

Я ехал к папе и думал, что это всё же немного противно: выиграл лыжи как бы даже не на свой лотерейный билет, ведь я его отдал, но, с другой стороны, это даже было справедливо — сколько раз я мучился за свой глупый поступок — сунул девчонке билет вроде как в утешение: очень глупо и грубо.

Я нашёл дом с папиным НИИ довольно легко и сел ждать его в вестибюле на кожаном диване. Он опоздал, наоборот, на час и появился совершенно неожиданно, с жут-

ким шумом — просто скатился вниз по лестнице.

Он плюхнулся рядом со мной на диван, захохотал, потом поцеловал вдруг меня (терпеть этого не могу), хлопнул несколько раз в ладоши и только тогда сказал:

— Нет, не могу есть! Не могу! Не до этого! И вообще я уже свободен. Сво-бо-ден! — пропел он. — Представляешь, Мить, всё в порядке. Всё — в по-ряд-ке! Будет установка! Будет! Путались, мучились, а доказали-таки, что один из вариантов лучше, и даже намного лучше, а не то что раньше: оба варианта совершенно равноценные, пятьдесят на пятьдесят. Какое там пятьдесят на пятьдесят! А экономии сколько будет, батюшки!

Он выхватил у меня мамин свёрток, развернул его, схватил бутерброд и мигом проглотил, и тут же появился Дымшиц.

После мы гуляли по Невскому и ещё по каким-то улицам. Папа с Дымшицем гуляли, что ли, непонятно, по такому-то ветру, они размахивали руками, хохотали и всё время, перебивая друг друга, что-то друг другу рассказывали на своём техническом языке.

Я шёл впереди — на меня они не обращали никакого внимания — и ел их бутерброды с сыром и ветчиной.

Вдруг они замолчали, а папа сказал:

— Митька! Иди сюда!

Я подошёл.

— Слушай, — сказал он. —

А что с тобой такое случилось?

— А что? — спросил я.

— Ты вырос, что ли?

— Как «вырос»?

— Ты какой-то высокий стал, взрослый, прямо не узнать. И лицо такое какое-то!

— Брось, пап, — сказал я. — Просто я твои ботинки сегодня обул, которые ты мне на день рождения подарил.

— Точно? Ну а лицо? Ты какой-то другой, прямо за месяц с небольшим такие изменения.

— Верно-верно, — сказал Дымшиц. — Ты, шкет, изменился.

— Да ну вас, — сказал я. — Бросьте вы обо мне говорить. Я вот лыжи сегодня выиграл.

— Как это выиграл? Каким образом? — Папа страшно удивился.

— А по лотерее. И ботинки. Да я думаю, что и палки, хотя там и не написано.

— Везёт же, — сказал Дымшиц. — А у меня никогда не выходит.

23

Когда я пришёл через пару дней в красный уголок, занятия совсем не состоялись. Не явился ни один человек, ни один. И Никодим Давыдович тоже не приехал. Я подождал его с полчаса и ушёл — что-то не захотелось мне заниматься. На следующие занятия я вообще не попал, мы с классом ходили культпоходом в театр. Потом я поиграл один раз вечером сам по себе и решил, что на следующие занятия пойду обязательно, но тут

пришло письмо от Никодима Давыдовича.

Он писал:

«Дорогой Митя. Я что-то прихворнул и не был на занятиях, может, и на следующее не приду. Это, правда, далеко — до меня ехать, но если ты захочешь, приезжай, я буду рад. Вот мой адрес...»

В тот день я не успел, письмо пришло довольно поздно, а на другой поехал.

Я долго искал квартиру Никодима Давыдовича, наконец нашёл, позвонил в звонок, и мне открыла какая-то тётя-ка,

— Можно мне Никодима Давыдовича? — спросил я.

— А ты кто, не музыкант?

— Да нет, конечно, нет, просто он ездил к нам на другой конец города и учил меня.

— Митя?

— Да.

— Погоди, я дам тебе сейчас записку. Он тебе оставил, на случай, если ты приедешь. Да ты проходи, садись.

— Он что, ушёл? — спросил я.

— Не торопись. Прочти записку, там всё сказано.

Я вдруг разволновался.

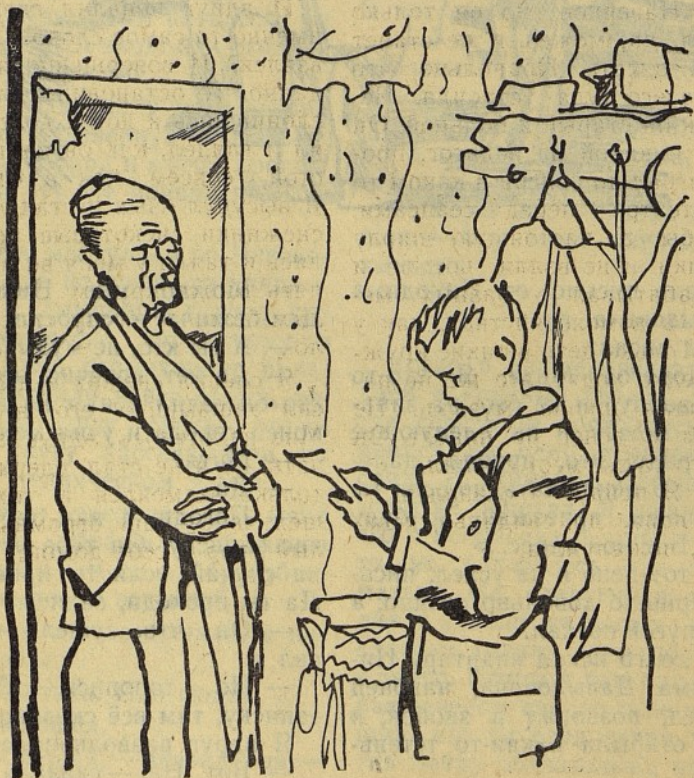
— Вот. Н-а, — сказала она.

Я развернул записку.

«Дорогой Митя, милый человек, — было написано там. — Пишу на случай, если ты приедешь. Я так и не сумел выбраться к вам, заболел, да и как-то тяжело было ехать, я был совсем убеждён, что опять никто не придёт. А после я заболел уже серьёзно, и дочка сумела достать мне место в санаторий. Завтра я уезжаю. Вовсе теперь не знаю, когда мы увидимся, думаю, что не скоро, а если вообще не увидимся, ты не бросай, прошу тебя, музыку и в музыкальную школу иди обязательно, там

умные, опытные педагоги, достойные люди, они тебя научат.

Если скоро поступить не удастся, ты не забывай скрипку, играй помаленьку, привыкай к инструменту. Главное, помни постановку рук и пальцев и, если вдруг у тебя будет что-то получаться, внимательно слушай себя, когда играешь. Прислушивайся к себе, чтобы скрипка пела то, что поёт в тебе самом. Ты ищи мелодию в себе самом, ищи себя в этой мелодии, понимаешь меня? Ищи себя. Ищи в себе доброго человека и только та-

ким будь, и не обязательно в музыке. Каждый должен в себе это искать, потому что, если ты добр, добр даже к плохим людям, они не сумеют сделать тебе зла, они сами станут лучше, хотят они этого или нет. Не знаю, понял ли ты меня. Ищи себя, чтобы другим людям было от тебя хорошо. А скрипку не бросай. Прощаюсь с тобой. Всего хорошего. Никодим Давыдович. Маме поклон».

— Вы ему кто? — спросил я у этой тётеньки, она так и стояла рядом, пока я читал.

— Никто. Соседка.

— Скажите, а адрес у него есть? Там, в санатории.

— Наверное, но он только уехал, да, может, и не станет сюда писать. Правильно, что дочка его туда устроила. Человек он старый и больной. Он ведь никакой не педагог, просто играл до пенсии в каком-то кинотеатре перед сеансами, его бы в настоящую школу музыки и не взяли, вот он и подрабатывал в разных местах, в домохозяйствах, как у вас. Только дети в такие кружки редко ходят, это же не настоящая школа музыки. Не ходят и денег не платят. Он много таких мест сменил.

— Я пойду, — сказал я. — Мне пора, до свиданья, извините, пожалуйста.

— До свиданья, мальчик, — сказала она.

Я долго добирался до дому, часа два или больше, шёл пешком. Трамваи обгоняли меня, а я всё шёл и шёл вдоль трамвайной линии, чтобы не сбиться с пути, и было мне так... нет, не знаю, как мне было, не буду говорить.

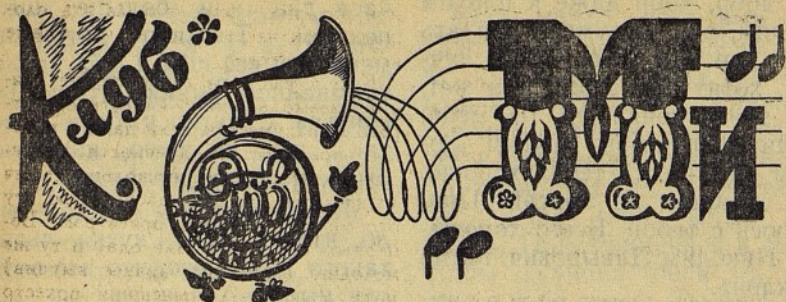
Что-то внутри у меня застыло, что-то вроде куска льда, такого холодного, что всё внутри ныло.

Я шёл, шёл, шёл...

Недалеко от моего дома я почувствовал, что совсем выбился из сил и что будто бы мне стало легче.

И вдруг повалил снежище, именно то самое слово. Откуда взялся? И совершенно неожиданно. Я остановился и, прислонившись к дому, долго стоял и глядел, как он валит, густой, совсем как в Сибири. Я высунул язык и стал ловить снежинки, некоторые попадались и таяли у меня во рту. За пять минут кругом стало белым-бело, и сразу посветлело...

Я слепил снежок и изо всех сил зашвырнул его в небо. Мне захотелось вдруг закричать, но я не стал, сдержался, только засмеялся и тихо пошёл через наш огромный белый двор к себе домой.

ДВЕНАДЦАТОЕ

Настроение у всех инструментов было приподнятое. Дело было в ночь под Новый год. Он вот-вот должен был родиться, а вместе с днём его рождения инструменты собирались отпраздновать и день рождения клуба «Ми».

— Предлагаю исполнить что-нибудь торжественненькое! — весело прощбетала Флейта. — Какую-нибудь увертюру.

— И непременно праздничную, — поддержал Тромбон, с готовностью выдвинув кулису.

— Раз, два, три! — бабахнул Барабан.

Инструменты было начали и почти вместе, но после первых же звуков всё расплозлось, разъехалось. Через минуту в оркестре царил такой хаос звуков, что почтенные старики композиторы на портретах в золочёных рамках досадливо наморщили лбы.

— Бра-а-а-а! — спохватился Тромбон. — Да ведь без Дирижёрской Палочки мы — ни с места.

Тут все инструменты дружно охнули, и посыпались извинения. Они отнотислись к маленькой Дирижёрской Палочке, напоминавшей указку. Правда, она была куда стройнее и тоньше. Палочка скромно примости-

лась на дирижёрском пульте, уткнувшись острым кончиком в страницу партитуры. Когда инструменты обратились к ней, она приподнялась и несколько раз постучала по пульту. Хотя стук этот был едва слышен, инструменты мгновенно замолчали. Они привыкли подчиняться каждому движению Дирижёрской Палочки, поскольку она всегда находится в руках человека, без которого немыслим оркестр.

— Простите нас, уважаемая Дирижёрская Палочка, — самым мягким голосом, на какой был способен, прогудел Орган. — Думаю, все мы получили хороший урок, забыв о вас.

— Ничего, ничего, — снисходительно проговорила Палочка. — Ведь

сейчас у нас не концерт и даже не репетиция. И я совсем не собираюсь выступать в роли командующей. Но, надеюсь, вы мне не откажете в праве стать членом вашего клуба.

— Что вы! Стоит вам только пожелать!

— Закон — есть закон. Все обязаны что-нибудь рассказать, чтобы вступить в клуб. Я не хочу быть исключением, — с достоинством ответила Дирижёрская Палочка.

— Прекрасно! — ухнул Барабан. — Но ведь вы не музыкальный инструмент. О чём же будет ваш рассказ?

— Ни один человек, какой бы необыкновенный он ни был, — это ещё не страна и даже не город. Ни один инструмент, как бы прекрасно он ни звучал, — это ещё не оркестр. Есть законы, по которым живут люди в стране, есть законы, по которым живут инструменты в оркестре. У каждого из вас своё место на эстраде, каждый из вас должен вовремя сыграть свою оркестровую партию... Но, впрочем, всё по порядку. Знаете ли вы, что такое оркестр?

— Большая группа инструментов, — крикнул кто-то из членов клуба «Ми».

— Что значит большая? — учительским тоном спросила Палочка.

— Тридцать инструментов... пятьдесят... сто... — слышались голоса.

— Так-так, — иронически ответила Палочка. — Представьте себе сто скрипок. Это оркестр? Или сто арф...

— Большая группа разных инструментов, — нашёлся кто-то из знатоков.

— Прекрасно! Предлагаю следующий состав: скрипка, балалайка, электрогитара, аккордеон, арфа, гусли, шотландская волынка...

— Дрель, пила и бормашина, — не выдержав, расхохотался Флейта.

— Ага, поняли, — с усмешкой сказала Палочка. — Значит, и подбор инструментов должен быть особый. Так вот, друзья, оркестр существует сотни лет, но в нынешнем виде, каким мы его привыкли представлять с эстрад и углублений перед оперной сценой, он существует совсем недав-

но. Кстати, само слово оркестр происходит от греческого «орхэстра», что означало «место для хора». На этой площадке во время представлений находился хор, и была эта площадка той частью сцены, что ближе всего к зрителю.

Как я уже вам говорила, не всякий ансамбль можно назвать оркестром. И разумеется, если даже в пышных празднествах древности выступали одновременно несколько тысяч музыкантов, мы не назовём всю эту огромную компанию оркестром. Во-первых, все они играли одну и ту же мелодию (конечно, заранее выучив) нота в ноту. А нынешний оркестр славен тем, что у каждого инструмента своя мелодия, партия, но все они сливаются в едином красочном звучании. Во-вторых, состав такого «оркестра» мог быть невероятно пёстрым. А в нынешнем оркестре состав тщательно продуман и звучность его уравнивается. Вы, несомненно, понимаете, что состав этот композиторы и дирижёры создавали не на бумаге и не с карандашом в руках...

— ...а с дирижёрской палочкой, — подхватил кто-то.

— Гм, — замялась Палочка. — По мысли верно. Действительно, поиски велись во время концертов и репетиций. Но представьте, друзья, что ни я, ни мои коллеги дирижёрские палочки не были свидетелями этих волнующих поисков. Дело в том, что окончательно определили состав оркестра великие композиторы Иосиф Гайдн и Вольфганг Моцарт. Никаких патентов в бюро изобретений они, конечно, не брали. Никакими указами и приказами не предписывали, где, как и сколько музыкантов сажать. Но самым лучшим доказательством их правоты были партитуры замечательных произведений, созданные ими для оркестра, который мы видим сейчас. Конечно, возможны разные отклонения, но основа осталась. И всё это произошло в восемнадцатом веке. А дирижёрская палочка впервые появилась в руках у знаменитого немецкого скрипача и композитора Людвиг Шпора в девятнадцатом веке. Однажды он явился на репетицию и, свернув в трубку,

тонкую, как палочка, лист бумаги, стал дирижировать. А кстати, и дирижёр, каким мы привыкли его видеть, появился сравнительно недавно. Сначала оркестром руководил первый скрипач, размахивающий смычком, или клавесинист. Так же часто во главе оркестра можно было видеть композитора — автора исполняемой пьесы. Но стоял он спиной к музыкантам, повернувшись лицом к публике.

Сначала оркестры играли только на празднествах и в театрах, где сопровождали пение или танцы. Самостоятельной, как мы сейчас говорим, симфонической музыки для специального исполнения не было до второй половины семнадцатого века. Вели себя музыканты в театральные оркестры порой очень вольно. Музыкант мог встать во время исполнения и пойти попить водички, мог пересест на другое место, показавшееся ему более удобным или уютным, играть в перчатках, рассказывать соседям увесёлую историю во время трагических событий на сцене. Большие музыканты Клаудио Монтеверди, Жан Батист Люлли, Христофор Глюк призывали оркестрантов к дисциплине, но не путём окриков и строгостей, а сумев заинтересовать их музыкой, пробудив в них уважение к музыке, которую и посейчас мы с вами ценим очень высоко. Монтеверди первый наряду с виолами ввёл в оркестр партии для скрипок, когда сочинял оперу «Орфей». Люлли призвал из церковного оркестра в оперный литавры и ввёл в партитуру оперы «Изида»

флейту. Для каждого из инструментов писалась выразительная партия. Каждый музыкант стал чувствовать себя незаменимым. Так зарождалась Республика Оркестрия, где все одинаково уважаемы и равны.

А вы думаете, просто разместить на площадке все инструменты так, чтобы каждый из них нёс свой звук в зал наилучшим образом? До сих пор спорят дирижёры, как лучше рассаживать музыкантов. Вот, к примеру, некоторые дирижёры сажают первые скрипки слева от себя, а вторые справа, и вся шеренга скрипок сидит впереди остальных. Но музыканты-скрипачи держат скрипку не параллельно полу, а чуть-чуть с наклоном. Значит, у первых скрипачей скрипки повернуты в зал струнами, а у вторых — увы, нижними деками. И это, конечно, сказывается на общем звучании скрипок. Вторые оказываются перекрытыми звучанием первых. Тогда некоторые дирижёры подумали-подумали да и пересадили вторые скрипки рядом с первыми. Теперь у всех скрипачей струны смотрят в зал. Но... вторые скрипки теперь находятся за звуковым барьером, который создают их коллеги первые скрипки. Вот и решаю тут, что лучше. А как посадить, скажем, музыкантов, играющих на медных духовых? У трубы звук идёт прямо из раструба в зал, у валторны — раструб сбоку, у тубы — вверх. Значит, трубача посадим лицом к публике, валторниста — боком, а тубиста, прошу прощения, на спину что ли укладывать? Н-да, подумать есть над

чем. Может, придёт на помощь электротехника с микрофонами и усилителями звука...

— Это ужасно! — воскликнула Первая Скрипка.

— Что ужасно? — не поняла Дирижёрская Палочка.

— Вся эта... электротехника. Меня прямо в дрожь бросает, когда я слышу о ней.

— Не понимаю вас, — удивилась Палочка.

— Неужели вы не догадываетесь, что нашей дружбе с человеком грозит... наука и техника! — взволнованно сказала Скрипка.

— Как?.. Почему?.. — послушались возгласы.

— Ах, боже мой! — совсем разнервничалась Скрипка. — Неужто не ясно! Я имею в виду магнитофоны, проигрыватели и тому подобные ужасные аппараты. Скоро всю музыку, которую сочинили композиторы,

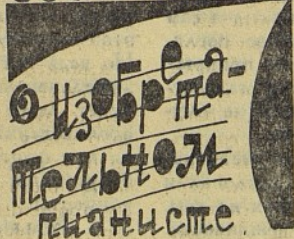
запишут на магнитофонные плёнки и грампластинки. И всё. Мы станем не нужны.

— Но ведь композиторы всё время сочиняют новые произведения, — успокоила свою родственницу Виолончель.

— Ах, всё равно нам угрожает опасность. Вы ведь знаете, что занятия на музыкальных инструментах труд нелёгкий. Так вот, я боюсь, что найдётся скрипач-изобретатель, который заменит свои собственные руки каким-нибудь механическим приспособлением, более точным и безотказным. Я этого не вынесу. Представляю, как меня касается не тёплая человеческая рука, а холодный бездушный механизм! Бр-р-р!

— У вас нет ни малейших оснований для переживаний, — заметила Дирижёрская Палочка. — Я убеждена... Впрочем, лучше я вам расскажу одну историю. Чуть-чуть фантастическую, но тем не менее поучительную.

ПРЖЖЧА

Жил-был знаменитый пианист. Может быть, самый знаменитый во всём мире. Несмотря на знаменитость, жилось ему, как самому обыкновенному пианисту, — нелегко. Он был настоящим артистом, а поэтому должен был всё время творчески расти и ни в коем случае не останавливаться на достигнутом. Как сказал один замечательный человек, в искусстве нельзя стоять на месте, потому что само место съезжает назад.

И каждый божий день пианист немножко творчески рос. Но когда он дорос до небывалых исполнительских высот и стал в два с половиной раза знаменитей, чем был до этого, случилась с ним во время концерта прегадкая история. Он забыл начало своего соло. Оркестр начинал вступление несколько раз, а пианист задумчиво сидел у рояля и никак не

мог вспомнить, с какой ноты начинается его соло. Так и не вспомнил. Пришлось играть другое произведение, которое он ещё к тому времени не успел забыть.

И случилось такое несколько раз. Публика почему-то не очень обижалась на забывчи-

вого музыканта и продолжала нежно любить его за темперамент, музыкальность, фантазию и так далее. А ошибки? Ведь человек, а не машина. Но сам пианист очень расстраивался и даже похудел. Он понял, что переутомился во время творческого роста и его игра стала слишком уж зависеть от настроения. Хорошо, если было какое-нибудь, хоть самое плохонькое настроение. А если никакого?

Тогда он решил уйти с эстрады. Но не навсегда. Ему пришла в голову вполне остроумная идея.

Два года и четыре месяца он конструировал изумительно хитрый аппарат, который должен был подчиняться его приказам лучше, нежели собственные пальцы пианиста.

И вот аппарат готов. Над клавиатурой устанавливалась длинная доска, на которой, как зубья расчёски, торчали механические пальцы — по одному над каждой клавишей. И вся эта невероятная механика подчинялась сигналу, который пианист рисовал мягким карандашиком на ленте, напоминающей серпантин. Не понравится звучание какой-нибудь ноты или фразы, — пианист школьной резиновой стирал часть рисунка, вносил в него изменения, и рояль звучал по-иному.

С великой точностью передал пианист механическим пальцам все свои музыкальные замыслы. Теперь он был спокоен. Механические пальцы не ошибутся и ноты не забудут. И вообще концерт, как говорится, кончится триумфом, если только вдруг электропробки не перегорят.

Можно с уверенностью сказать, что в день концерта в зале было ровно на одного человека больше, чем предполагалось. Среди публики сидел сам исполнитель. Он самолюбиво поглядывал на слушателей, а те, прикрыв глаза, чтобы непривычно пустая эстрада и затейливая машина не смущали их, предались музыке.

После концерта хлопали очень добросовестно. Забывшись, захолопал и сам пианист, но поймал себя на том, что хлопает как бы из вежливости. Казалось, лучше он не мог бы сыграть никогда. Откуда же взялось это чувство щемящей пустоты и неудовлетворённости? Ему казалось, что на эстраде только что рождалась не музыка, а её «изображение». Словно очень хорошая и точная фотография заменила самого человека.

Он вышел на улицу и прислушался к разговорам.

— Подумаешь, — запальчиво говорил какой-то молодой человек, — подвёмный кран может поднять двести тонн. Кого этим удивить! А когда человек подымет двести килограммов, мы устраиваем ему в спортивном зале овацию и кричим: «Бо-

гатырь!» Я не спорю, электропианист прекрасно справился с программой. Техника — блеск! Что?.. Да нет, я не об электротехнике, я о его беглости и виртуозности. Но вот если бы это сделал человек!

— Вы правы, но лишь отчасти, — возразил ему другой собеседник. — Музыка — не спорт. Дело ведь не только в том, чтобы сыграть быстро и точно. Самое главное заключается в другом. Когда тут, перед нами, человек, творящий у нас на глазах, мы увлекаемся, нам кажется, что мы тоже участники великого таинства рождения музыки, нам кажется, что мы её создаём вместе с ним. Слушатель и музыкант должны быть как можно ближе друг к другу, а не отделяться один от другого...

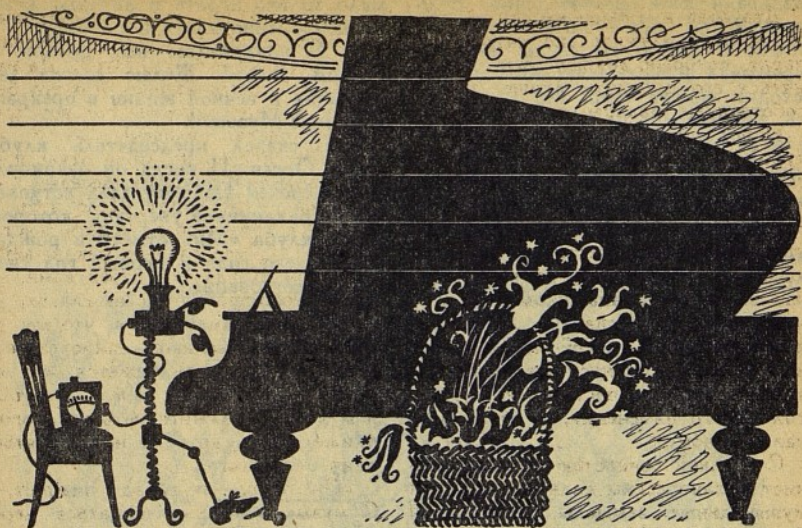
«Он прав, — подумал пианист. — С музыкой нельзя общаться через посредника. Это всё равно, что доверить кому-то вместо себя объяснить в любви дорожному человеку».

И он снова засел за рояль, а музыкальную машину подарил соседскому мальчику Пете, который очень любил электротехнику...

— Так-так, — задумчиво произнесла Скрипка. — Допустим, что с этой стороны нам ничто не угрожает. Но ведь могут появиться другие музыкальные инструменты, на которых будет легче исполнять сложнейшие произведения, написанные для скрипки или фортепиано. У нас просто отберут наши любимые пьесы, сонаты, концерты.

— Только для того, чтобы отнять произведения, созданные специально для нас, — ответила Палочка, — не появится на свет ни один инструмент. А вот если у людей возникнут мысли и чувства, которые уже нельзя будет передать с нашей помощью, тогда появятся новые инструменты. Но тогда появятся и новые произведения для них.

— Кстати, — прогудел Орган, — вы, уважаемая Скрипка, боитесь, что нас забудут, но происходит обратное: люди снова обучаются играть на старинных инструментах, которые звучали благодаря... технике. Тихая, воркующая виола прекрасно звучит по радио, и её пение могут слышать

сразу миллионы людей, а в большом зале звук её теряется. Вновь зазвучали лютни, клавишины. Люди не хотят терять и крупницы того, что создано человеческим трудом и талантом на протяжении сотен лет.

— Вы меня успокоили, — отзывалась Скрипка.

Все инструменты радостно зашумели.

— Попрошу тишины! — торжественно провозгласил Орган. — Я хочу произнести небольшую речь. Скоро часы в последний раз в этом году пробьют двенадцать ударов, и вместе с рождением Нового года мы отправляем год со дня рождения клуба «Ми». Мне радостно, что все мы, музыкальные инструменты, продолжаем жить и трудиться во славу музыки и искусства. Музыка существует тысячи лет, а наш клуб — один год. Музыка — необъятна, и, честно говоря, коллеги, мы с вами в наших беседах сделали только первый шаг в прекрасный мир звуков. Да. Музыка — прежде всего звучание, и мы правильно поступили, что в первую очередь посвятили наши беседы тем, кто создан для звучания — разным

музыкальным инструментам. Но прошу вас не забывать, что в необъятном мире Музыки существуют, образно говоря, страны со своими законами, например: страна Гармония, законы которой предписывают звукам жить в определённом согласии и созвучности, страна Метрономия, в которой живут миллионы разнообразнейших ритмов, страна Оркестрия и другие. Только побывав в этих странах, можно научиться по-настоящему понимать музыку. Но и побывав там, вам придётся начать новое путешествие в мир музыкальных жанров*, ибо если вы не сможете отличить сонату от симфонии, а оперу от балета, вы потеряете правильный курс в океане звуков. А когда научитесь разбираться в жанрах, вам придётся познакомиться с создателями музыки — композиторами и понять, почему, как и во имя чего они

* Ведь вы не спутаете кинокомедию с кинохроникой, хотя и то и другое кино. Вы сразу отличите скульптуру от картины, хотя и то и другое — произведения изобразительного искусства. Общие признаки, объединяющие произведения искусства в общую группу, и определяют жанр.

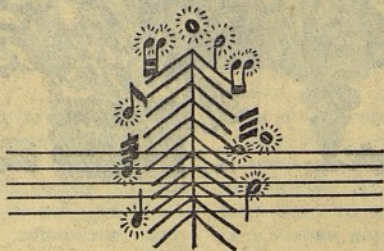
создавали свои произведения. Ведь каждый из них — житель планеты Земля и вместе со своим народом переживал и переживает то, что происходит вокруг него. Но и это не всё. Вы никогда не поймёте музыку, если не почувствуете её связи с другими видами искусства — живописью, поэзией, театром...

Инструменты внимательно слушали выступление своего председателя. Они теперь прекрасно чувствовали:

мало только играть и звучать, нужно непременно знать и понимать.

— Я поздравляю вас, друзья, с Новым годом! Желаю долгих лет звучания и вечной жизни в прекрасном мире Музыки!

Так сказал председатель клуба «Ми» Орган. И когда он закончил, Дирижёрская Палочка дала вступление к праздничной увертюре, которой члены клуба «Ми» отметили рождение Нового года и первый год его существования.

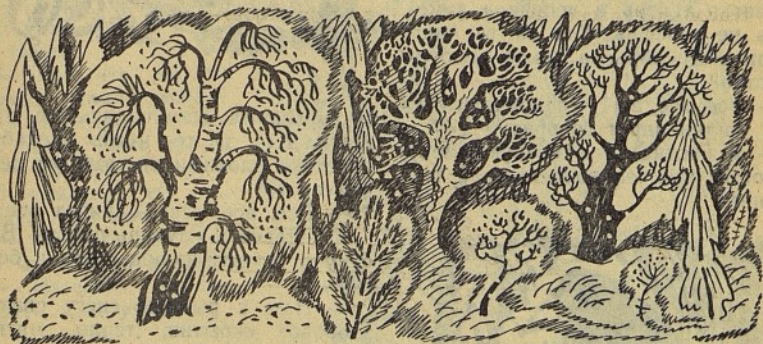
Н. СЛЕПАКОВА

С П О Р

Мой чёрный пёс,
мой белый кот
поспорили: кто чище?
— Я знаменитый Чистоплот, —
доказывал котище. —
Пойду гулять — кричит народ:
«Шагает белоснежный кот!»
А скоро скажет Человек:
«Идёт белокотовый снег!»
— Всё это знаю я давно, —
ответил пёс. — Но впрочем,
вот на боку твоём — пятно.
Хотя оно всего одно,
зато заметно очень!

А я — темнее темноты,
черней угля и сажки,
и значит — не заметишь ты
на мне грязинки даже!
Ну что же — разве я неправ?
Молчи, приятель, — ни гав-гав! —
Смеясь, прислушивался я
к беседе этой странной,
а после крикнул им: — Друзья!
Вас надо вымыть в ванной!
Кто чище — скажет нам вода!
...Но разбежались кто куда,
боясь ответа на вопрос,
и белый кот, и чёрный пёс.

Путешествие по стране «Декабрь»

МЕДЛЕННО и почти незаметно из страны «Ноябрь» мы въезжаем в страну «Декабрь»...

В стране «Декабрь» очень короткие дни и очень длинные ночи. В лесу, на полях, на болотах тихо и пусто. Солнце за облаками, звуки приглушены, запахи заморожены. Снег с каждым днём всё глубже и глубже. Позёмка течёт по сугробам, замечает следы. По ночам поскрипывает мороз.

Мороз и ветер проверяют, как кто к зиме приготовился. Хорошо ли барсуки норы свои утеплили, удачно ли медведи берлоги выбрали! Вовремя ли ласки, горностаи и зайцы-беляки в белые шубки переоделись! Хороши ли зимние шубы у лисиц, куниц и белок! Хороши ли зимние хатки у бобров и ондатр! Спят ли крепко, по-зимнему, ежи, бурундуки, летучие мыши!

А кто не спит, у кого нет тёплой хатки и зимних запасов — те по своему приспосабливаются. Жмутся к жилью сойки, сороки, вороны, галки: что-нибудь да и перепадёт! Волки, там где они ещё уцелели, тоже подходят по ночам к человеческому жилью: вдруг в овчарне дверь запереть забыли, а может, собачонка глупая на улицу выскочит! Хори и лисы оставляют следы возле курятников.

Писк и весёлая возня на рябинах. Тут и свистели хохлатые, и снегири красногрудые. А на ёлках и соснах клесты. А то дятел прилетит, шишку сорвёт. Или белка прискачет. Синицы налетят: нашумят, намусорят. Потом разбегутся, разлетятся — и опять тишина. Чуть ветер посвистывает в голых ветвях. В ранних сумерках то нет лес. Ночь надвигается долгая, тёмная и холодная. Все дневные птицы и звери ищут поукромнее уголок, а ночные собираются на охоту. И ребята, путешествующие по «Декабрю», спешат к дому.

СУД НАД ДЕКАБРЕМ

Собрались на озере птицы и звери. Декабрь судить. Уж очень все от него натерпелись. Потёр Ворон носище об лёд и каркнул:

— День Декабрь нам сократил, а ночь сделал длинной-предлинной. Засветло теперь и червячка заморить не успеешь. Кто за то, чтоб осудить Декабрь за такое самоуправство?

— Все, все, все! — закричали все.

А Филин вдруг говорит:

— Я против! Я в ночную смену работаю, мне чем ночь длиннее, тем сытнее.

Почесал Ворон коготком затылок. Судит дальше:

— В Декабре скучища в лесу — ничего весёлого не происходит. То-го и гляди от тоски сдохнешь. Кто за то, чтоб Декабрь за скукоту осудить?

— Все, все, все! — опять закричали все.

А из полыни вдруг высовывается Налим и булькает:

— Я против! Какая уж тут тоска, если я к свадьбе готовлюсь? И настроение у меня, и аппетит. Я с вами не согласен!

Поморгал Ворон глазами, но судит дальше:

— Снега в Декабре очень плохие: сверху не держат и до земли

не дороешься. Измучились все, отошали. Кто за то, чтобы Декабрь вместе с плохими снегами из леса выставить?

— Все, все, все! — кричат все.

А Тетерев и Глухарь против. Высунули головы из-под снега и бормочут:

— Нам в рыхлом снегу спится здорово: скрытно, тепло, мягко. Пусть Декабрь остаётся.

Ворон только крыльями развёл.

— Судили, рядили, — говорит, — а что с Декабрём делать — неизвестно? Оставлять или выгонять?

Опять закричали все:

— А ничего с ним не делать, сам по себе кончится. Месяц из года не выкинешь. Пусть себе тянется!

Потёр Ворон носище об лёд и каркнул:

— Так уж и быть, тянись, Декабрь, сам по себе! Да очень-то, смотри, не затягивайся...

Заяц и Белка

— Ты слышал новость, Заяц?

— Я всё, Белка, слышу: эвон уши-то у меня какие!

— Так что же ты своими ушами слышал?

— Я слышал, что тебя, Белка, Лиса съела!

— Ну, это что! А я вот слыхала, что ты, Заяц, Лису съел!

— Вот это да! Что же мне теперь делать?

— Известно: глазам верить, а не ушам!

Яблонька и Воробей

— Слушай, Воробей, ты мужик умный, среди людей крутишься, не слыхал ты, что они про зайца-русака говорят? Хищный он зверь или нет?

— Ой, Яблонька, на-смешила, ой, уморила! Какой же заяц хищник? С его крысиными зубами впору только кору глотать.

— Кору?! Ох, чуяло мое сердце: оглохнет меня со всех сторон хищник свирепый! Погубит злодей!

Дятел и Тетерев

— Здравствуй, Тетерев! Со вчерашнего дня не виделся. Где летал, где спал?

— Летал я «над», спал я «под».

— Что это за ребус такой: то «над», то «под»?

— Это не ребус, а снег. Летал над снегом, ночевал под снегом.

— Ишь какая у тебя жизнь развесёлая. А я, горемыка, все «в» да «в». Летаю в ёлках, прыгаю в ёлках, ночью в дупле. Ску-учно!

Сердитые голоса

— Что-то, братец Окунь, дышать тяжело стало. Прямо в глазах темнеет!

— Что верно, то верно, сестра Плотица! И у меня что-то голова кружится и в хвосте какая-то слабость! Что бы всё это значило?

— А вы меня, Карася старого, спросите! Значит всё это то, что в воде душно стало, кислорода нам не хватает. Того и гляди рыбий замор начнётся!

— Что же нам делать, Карась? Так и околевать, что ли?

— Можете околевать, коли ума нет! А если он есть, то плывите скорей к отдушинке, высовывайте головы из воды и орите во всю рыбью глотку: КАРАУЛ! СПАСИТЕ! ЗАДЫХАЕМСЯ!

— Так кто ж наш рыбий язык понимает, кто ж наш рыбий крик услышит?

— Рыболовы должны услышать. Их дело зимой проруби во льду рубить. Вся надежда на них: больше помочь некому.

Птичьих столовых у нас немало, и кормят в них бесплатно. За это ребятам наше птичье спасибо. Но уж больно беспорядков в столовых много! Меню однообразное: одна каша мороженная да хлебные крошки. Да и те часто снегом засыпаны: вспотеешь, пока докопаешься. То ветер еду с полочек сдует, а то и совсем положить забудут. Сегодня густо — завтра пусто. Жалуемся.

СИНИЦА, ПОПОЛЗНИ, СНЕГИРИ.

РАССКАЗЫ ЗАВИРУШКИНА

Вкусная швабра

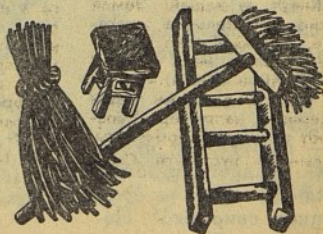
(Рассказ-загадка)

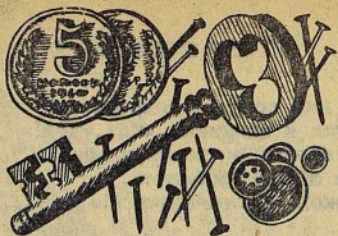
На вкус и цвет — товарища нет. Один ест вершки, другой — корешки. Один любит красивое, другой — солёное. Это все знают. Но я расскажу вам о едоках со вкусами особенными. Я вёл наблюдение над животными, записывал всё в тетрадь. Вот послушайте.

Наблюдение № 1:

«Сегодня она на завтрак съела метлу и швабру, на обед — табуретку, а на ужин — деревянную лестницу».

Наблюдение № 2:

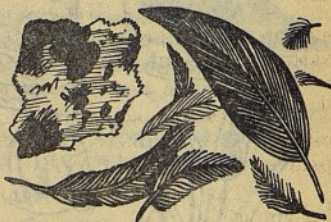
«Он сегодня проглотил 9 пятак-ков, 2 железных ключа, дюжину гвоздей, полдюжины пуговиц и замок от чемодана».

Наблюдение № 3:

«Чего они только не ели! Перья, шерсть, войлок. Рога, пробки, вату. Съели даже у меня промокашку, облитую чернилами! Представ-

ляете: на первое суп из ваты и перьев, а на второе — кашка из промокашки! Вот это вкус!»

Раз у меня записано — значит, всё так и было. В этом можете не сомневаться, я человек точный. Но вот попробуйте отгадать, кто эти ОН, ОНА и ОНИ? У кого такие странные вкусы?

ОТВЕТ НА ЗАГАДКУ

Прошлый раз рассказал нам Завирушкин про удивительную страну, в которой будто бы живут предудивительнейшие звери: Сорвиголова, Оторвихвост и Выдерниноги! И эти удивительные хищники будто бы и в самом деле отрывают у своей добычи хвост, и ноги, и головы, а с ней, с добычей, ничего плохого от этого не происходит! У ней снова отрастают и ноги, и хвосты, и даже головы!

И волки сыты, и овцы целы!

Рассказ — достойный нашего уважаемого Завирушкина. Конечно, почти никто ему не поверил.

И напрасно...

Живут на нашей Земле такие удивительные животные, да иные и не за морями-горами, не в далёких джунглях, а рядом, чуть ли не у нас под ногами. Наши ящерицы, например. Нападают на них и сорокопуть, и сычи, и пустельги. Схва-

тят и оторвут хвост. В кладовой сычей находили десятки ящерицыных хвостов. И сорокопуть накалывает их хвосты на колючки про запас. Чем это же хищник Оторвихвост? А с ящерицей ничего не делается от этого, у неё новый хвост вырастает. Так всю жизнь и откупаются от хищников своими хвостами.

Да разве одни ящерицы!

Морской червь — нерепс, похожий на сороконожку, живёт в норке на морском дне. Нерепсы любят высо-

вывать головы из своих норок. Этим пользуются рыбы. Плавают они над самым дном и отрывают у нерепсов головы. И рыбы — Сорвиголовы! — сыты, и нерепсы целы! Через некоторое время у них вырастает... новая голова!

Когда паук хватается кузнечика за ногу, тот отбрасывает свою ногу. Лучше уж одну ногу потерять, чем жизни лишиться!

Некоторые крабы, когда их рыбы хватают за клешни, отбрасывают свои клешни.

Если хищник откусит у тритона хвост или ногу, у тритона отрастут новые хвост и нога. Отрастают оторванные щупальца у морских звёзд. Если морскую звезду разорвать пополам и бросить в море — вырастут две морские звезды!

Теперь вы сами видите, что Завирушкин рассказал правду.

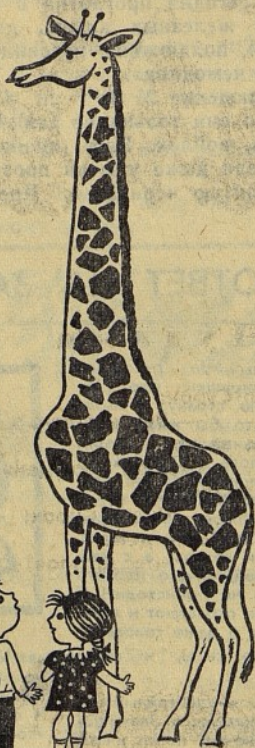
Широкорот

Ко мне подплыл широкорот.
Хотел я крикнуть: «Вот урод!»
Но грозно он разинул рот,
И я сказал наоборот:
«Какой вы симпатичный!»

Ж и р а ф

— Не гордец ли ты, жираф, —
Ходишь голову задрав!
— Нет, я прост и скромн,
Просто рост огромен.

Росомаха

Злодейка росомаха —
Обжора и неряха.
Приятно, что в домах
Не держат росомах!

Про ежат и медвежат

Рассердилась мать-ежиха на ежат:

— Ну и лодыри — свернулись
и лежат!

Поглядела я вчера на медвежат —

Какие чудесные дети!

А медведица ворчит на медвежат:

— Ну и деточки — дерутся да
визжат!

Поглядела я сегодня на ежат —

Какие чудесные дети!

Чудаки

Сказал Сурок:

— Чудак Олень!

Ну что за прок —

Скакать весь день!

Сказал Олень:

— Чудак Сурок!

Проспать весь день —

Ну что за прок!

Лев и львица

Уж очень вид у них чудной:

У папы — локоны волной,

А мама ходит стриженной,

Но этим не обижена.

Рис. А. Курушина

ПОЖАЛУЙ, в любой стране есть такой город или деревня, чьи жители испокон веков слынут глупцами, простаками или олухами. В России, например, с незапамятных времён славились в этом смысле пошехонцы.

В Греции не найдётся человека, который не слышал бы про обитателей Абдер, города на фракийском побережье, жители которого пользовались репутацией неисправимых дураков.

В Швейцарии каждый швейцарец знает про своих земляков бельмонтцев. Легенды о них рассказывают, что это были типичные болваны. Немцы могут вам рассказать про шильдбургеров, жителей города Шильды. Эти делали всё наперекор здравому смыслу.

А про готемцев, жителей деревни Готем, в графстве Ноттингемпшир, Англия, вы, вероятно, слышали сами:

*Три мудреца в одном тазу
Пустились по морю в грозу.
Будь попрочнее старый таз,
Длиннее был бы мой рассказ.*

Это о них, о готемцах. Хотя, конечно, «мудрецов» в Готеме было не три, а значительно больше. Но самое интересное — готемцы вовсе не были так глупы, как может показаться на первый взгляд. Их смешные и нелепые поступки имеют своё объяснение.

Дело в том, что...

Впрочем, давайте по порядку.

1. *как готемские умники искали своего товарища*

Случилось так, что король Джон решил построить неподалёку от Готема загородный дворец. Поехали королевские гонцы в Готем, чтобы выбрать там местечко получше. Скороти, долго ли они ехали, сказать трудно. Подъезжают к берегу реки и видят: сидят на берегу двенадцать мужчин, и все двенадцать горько плачут:

— Ох, беда, вот беда, кто-то из нас двенадцати утонул!

— Кто утонул? — спрашивают гонцы.

— Ах, милостивые господа, если б мы знали! Когда мы шли ловить рыбу, нас было двенадцать, а теперь одного не достаёт. Кто-то один утонул!

— Хорошо, — усмехнулись гонцы, потому что поняли, с кем имеют дело, — ещё раз пересчитайте-ка друг друга, а мы посмотрим: все вы тут или не все...

Принялись готемские умники считать друг друга. Но сколько ни считали — всякий раз получалось: одного не достаёт. Потому что каждый забывал сосчитать самого себя!

— Прекрасно, — улыбнулись всадники. — Что вы нам дадите, если мы отыщем вам двенадцатого?

— Ах, милостивые господа, — отвечали готемцы, — мы отдадим вам все деньги, какие при нас есть!

— Что ж, давайте, — сказали всадники и принялись считать: — Вот один из вас... вот другой... вот третий... вот четвёртый... вот пятый... — и так дошли до двенадцатого готемского умника и, дав ему здоровенную затрещину, сказали: — А вот вам и двенадцатый! Поблудайте!

— Как хорошо, что он нашёлся! — обрадовались готемские умники и принялись благодарить гонцов.

А те положили в карман денежки и поскакали в Готем.

2. *как готемские умники в реке кашу варили*

Сначала дорога всё шла берегом реки. И снова повстречали королевские гонцы готемцев. На этот раз четверо готемцев тащили к воде тяжёлый мешок и приговаривали:

— Ну и каша! Хороша будет каша!..

— Эй, добрые люди! — окликнули их гонцы. — Что вы собираетесь делать?

Готемцы отвечают:

— Как что? Кашу варить.

— Кашу? Где?!

— Известно где, — отвечают готемцы, — в реке. Вон, глядите, милостивые господа, вода-то уже кипит.

Посмотрели гонцы, а в реке водоворот. Дураку и впрямь может показаться, что вода там по-настоящему кипит и бурлит. «Ну и ну!» — только и подумали гонцы, глядя на готемских умников. А те подняли мешок и высыпали содержимое в реку. А потом уселись на берегу и принялись ждать.

— Оставляйтесь с нами, — говорят гонцам, — скоро каша поспеет.

Не стали гонцы дожидаться каши. Отъехали подальше в сторону и говорят друг другу:

— Как вам нравятся эти готемские умники? Да неужели у них в Готеме все такие?!

3 * как
готемский
умник показы-
вал путь
треножнику

Если сначала дорога в Готем шла ровная да гладкая, то теперь начала подниматься в гору. Одолев крутой подъём, спешились королевские гонцы и огляделись. И на противоположном склоне холма заметили вдруг человека, который сидел верхом... на треножнике — на том самом треножнике, на котором хозяйки готовят обед. Сидел и понукал треножник:

— Но-но, давай вези!..

— Что ты тут делаешь? — удивились королевские гонцы. — Никак дожидаясь, чтобы треножник тебя повёз?

— А почему бы и нет, милостивые государи! У этого дармоеда три ноги, а у меня только две. И я его от самого города на себе нёс. Пусть же он понесёт теперь меня. Это будет только справедливо! Но бездельник, кажется, не собирается этого делать!.. Что ж, пусть тогда идёт сам. А я ему, так и быть, покажу дорогу. Именем нашего мэра приказываю: ступай за мной, бездельник! — строго сказал готемец и, то и дело оглядываясь, пошёл в путь: он был в полной уверенности, что треножник пойдёт за ним!

— Эти готемцы — отъявленные болваны! — воскликнул один из гонцов. — Будет что рассказать королю!..

И гонцы повернули коней в сторону Ноттингемского моста, который вёл прямёхонько в Готем.

2

как
готемский
умник прода-
вал
сыры

Но не проехали они и сотни метров, как повстречался им готемец с тяжёлой сумкой на плече. Завидев гонцов, он низко поклонился, и из сумки выкатился сыр.

— Эге, дружище! — воскликнул готемец, обращаясь к сыру. — Я вижу, ты хочешь раньше меня добежать до рынка? Это ты неплохо придумал! Если и другие последуют твоему примеру, клянусь Робин Гудом, мне легче будет идти!

И с этими словами готемец развязал сумку и принялся бросать под гору сыры. Сыры мчались, обгоняя друг друга, и исчезали за поворотом.

— Приказываю дожидаться меня на рынке! — крикнул им вдогонку готемец.

— Клянусь своим мечом, — сказал один из гонцов, — во всём королевстве нам не встретить ещё одного такого болвана! Хотел бы я знать, что станет с его сырами?!

И, пришпорив коней, гонцы продолжали путь.

5

как
другой
готемский умник
пытался
поднять сыр

Не успели гонцы доскакать до поворота, как встретили они другого готемца, который, сидя верхом на лошади, пытался достать лежащий на дороге сыр.

— Не иначе, как это один из сыров, которые пускал с горы тот самый готемец, — сообразили королевские посланцы, наблюдая, как всадник силится, не слезая с лошади, дотянуться до сыра. Но меч был слишком коротким.

— Экая досада! — проворчал готемец. — Будь у меня меч подлиннее, я бы разделался с этим сыром в два счёта! А теперь придётся возвращаться обратно!..

И, поворотив лошадь, он помчался в Готем за более длинным мечом.

— Клянусь своею собственной головой, — воскликнул один из гонцов, — этот готемец — отличная пара тому нашему дураку! Впрочем, все они здесь стоят друг друга!..

И, посмеиваясь, гонцы совсем уж собрались продолжить путь, как услышали позади себя лошадиный топот. Они обернулись и увидели готемца, который, сидя верхом на лошади, тащил на собственной спине тяжёлый мешок.

как
готемский
умник
пожалея свою
лошадю

— Послушай, любезный! — обратились к нему гонцы. — Зачем ты взвалил мешок себе на спину?! Доверь его лучше своей лошади!..

— Что вы, что вы, милостивые господа, — отвечал готемец. — Ей и так тяжело, бедняжке! Пусть уж лучше она везет только меня... а уж я повезу мешок... Так будет значительно легче бедняжке!

Не выдержали тут королевские гонцы — захохотали.

— Ну что ж, братец, вези вези... ты хозяин лошади, тебе виднее... — И с этими словами они въехали в Готем.

как
готемские
умники посла-
ли зайца к
лэндлорду

На деревенской площади толпа готемцев обступила какого-то человека, в руках у которого был заяц, а двое других людей привязывали сумку к шее зайца.

— Славные жители Готема, — обратились королевские гонцы, — что вы тут делаете?

— Завтра день, когда мы платим нашему лэндлорду за землю, — охотно объяснил один готемец. — А идти некому. Да и времени мало: за день никому из нас не до-

браться до Ньюарка, где живёт наш лэндлорд. Вот мы и решили послать с деньгами зайца. Он быстрый — вмиг доскачет до места.

И готемские умники стали объяснять зайцу дорогу:

— Сначала скачи в Ланкастер, а оттуда сверни на Лонгборо, а уж оттуда до Ньюарка рукой подать. В Ньюарке деньги отдашь прямо в руки лэндлорду. Понял? Ну, беги!

И готемцы выпустили зайца.

И заяц немедленно помчался в противоположную сторону.

— Куда ты? Куда? — закричали ему готемцы. — Тебе же объясняли: сначала надо в Ланкастер!..

— Оставьте зайца в покое, — вмешались другие умники. — Заяц лучше нас знает, какой дорогой ему быстрее добраться до Ньюарка. Может, он свернул, чтобы не повстречаться случайно с собаками...

— Ну, на сегодня мы достаточно повеселились, — сказал один из королевских посланцев. — Пора подумать и о ночлеге.

Все с ним согласились и, на-
правив своих коней прямо на
готемцев, грозно спросили:

— Где ваш мэр?

— Мэр? — переспросили
готемцы. — Мэр наказывает
угря.

8

как
готемские
мники
наказали
угря

— Какого угря? — ничего
не понимая, спросили гонцы.

— Обыкновенного, мило-
стивые господа. Прошлой вес-
ной у нас остался запас коп-
чёной рыбы, а мы не знали,
что с ней делать. Наш мэр
предложил выпустить её в
пруд — пусть там живёт и
размножается до самой осени,
а там можно будет переловить
всю рыбу и зажить, как лор-
ды. Всё бы так и получилось,
милостивые господа, и мы бы
обязательно зажили, как лор-
ды, если бы не этот проклятый
угорь!

— Что же он такое натво-
рил? — спросили гонцы.

— Съел всю рыбу!

— Да, но как вы узнали об
этом? — снова спросили гон-
цы и, с трудом сдерживая
смех, посмотрели друг на
друга.

— А мы вычерпали из пру-
да всю воду. И ничего, кроме
угря, не нашли. Стало быть,
он и съел нашу рыбу.

— И ваш мудрый мэр ре-
шил теперь угря наказать?

— Да, ваша милость. Он
решил его утопить!

— Славная мысль! — одоб-
рили гонцы и приказали при-
вести к себе мэра.

— Слушай, любезный, —
начали гонцы, когда мэр явил-
ся, — надеемся, ты уже нака-
зал угря?

— Наказал, ваша милость,
наказал...

— Тогда распорядись о
ночлеге. Нам так пришёлся
по душе ваш Готем, что мы
с удовольствием останемся
здесь ночевать!..

9

как
готемские
мники
приня-
ли луну за
сыя

Пришла ночь, но королев-
ские гонцы никак не могли за-
снуть.

«Вряд ли королю Джону
понравится такое соседство,—
думали они. — Ведь в этом
Готеме все, начиная от самого
последнего готемца и кончая
мэром, круглые болваны! Вряд
ли захочет король Джон
строить здесь дворец!»

И решили гонцы вернуться
к королю Джону и рассказать
всё, что увидели и слышали.
И пусть уж король решает
сам.

И, приняв такое решение,
гонцы заснули. Но недолго
пришлось им спать: они были

разбужены дикими воплями, которые неслись с улицы:

— Эй! Вставайте, вставайте! Да поживее!

Выскочили гонцы на улицу, а там уже полно готемцев: кто с граблями, кто с лопатой. А впереди — мэр.

— Что случилось?! — спрашивают вконец перепуганные гонцы.

— В нашем пруду плавает зелёный сыр! — отвечает мэр. — Надо его выловить.

Оказалось, кто-то из готемцев, возвращаясь поздно ночью, увидел в воде отражение луны и принял это отражение за сыр.

И готемцы во главе с мэром направлялись теперь этот сыр ловить.

Но сколько ни старались они подцепить его граблями и лопатами — сыр никак не поддавался. А тут, на беду, забежала луна за тучу, стало совсем темно, и сыр исчез.

Постояли немного готемские умники, но сыр всё не появлялся. Раздосадованные, они решили вернуться к себе в деревню, чтобы утром снова попытаться счастья.

— Нет, всё-таки мы правильно решили насчёт этих готемцев, — переговаривались гонцы. — Сегодня же вернёмся в Лондон и расскажем обо всём королю...

10 *как
готемские
умники
встречали
короля*

Выслушав своих гонцов, король Джон долго смеялся и наконец сказал:

— Я сам должен посмотреть на этих готемских умников! Клянусь своим троном, они мне нравятся!

Прослышали жители Готема, что к ним собирается пожаловать сам король и приуныли:

— Час от часу не легче! Мало было нам хлопот с королевскими гонцами, так теперь их величество решили пожаловать! Что же нам теперь делать?

— Если эти бездельники надумают построить у нас загородный дворец — всему Готему придёт полное разорение, — сказал мэр. — Ведь этих дармоедов придётся бесплатно кормить и поить! А с нас хватит одного нашего лэндлорда... Слушайте меня, готемцы: рубите деревья и валите их поперёк дороги. Король тогда не сможет проехать!

Славно потрудились готемцы. И так завалили дорогу, что королю и его свите пришлось повернуть обратно. Разгневанный король Джон поклялся, что едва его солдаты расчищают дорогу, он вернётся в Готем и отрежет всем готемцам их готемские носы с их готемских рож!

Целый месяц королевские солдаты расчищали дорогу.

Приуныли готемцы. Кому охота лишиться носа?!

И всё же готемцы нашли способ уберечь свои носы от короля, потому что, рассудили они, с дураков спрос невелик.

Когда король Джон и придворные прибыли в Готем, первыми, кого они увидели, были старики готемцы, которые неизвестно куда катили огромные камни.

— Эй, люди! — остановил их король. — Куда вы катите такие большие камни?

— Мы их хотим закатить на гору, милостивый наш король, — дружно отвечали готемцы.

— А для чего?

— Чтобы помочь взойти солнышку!

— Что за чушь! Вы что, не знаете, что и без вашей помощи солнце взойдёт?

— Подумать только, — покачали головой готемцы. — Мы этого не знали. Какой же вы мудрый, милостивый наш король!

Дальше королю и его свите повстречались молодые готемцы. Вместо приветствия молодые готемцы захрюкали.

— Почему вы хрюкаете? Вы что, говорить не умеете?! — спросил их король.

— Говорить-то мы умеем, — отвечали молодые готемцы, — но пока наши отцы и деды катят большие камни, наша работа — хрюкать.

— Ха-ха-ха! — засмеялся король. — Что за глупый народ эти готемцы — и старые и молодые.

Тут с королём поравнялся ещё один готемец, который нёс на спине дверь.

— Куда ты несёшь дверь? — остановил его король.

— В Лондон, милостивый наш король.

— Но зачем тебе в Лондоне дверь?!

— Я оставил все свои деньги и всё своё добро дома.

— Тогда почему же ты не запер свой дом этой дверью?!

— Я боялся, что, пока меня нет, придут воры, откроют

дверь и заберут в доме всё моё добро.

— Какой же ты дурак! — сказал король. — Разве не проще бы было оставить дверь на месте, а деньги взять с собой?!

— Мне это не пришло в голову, — отвечал готемец. — Какой же вы мудрый, наш милостивый король!

— Эти готемцы — настоящие олухи, — сказал король, обращаясь к своим придворным. — С ними умному человеку трудно иметь дело!

Только придворные хотели ответить: да, конечно, вы правы, ваше величество, как увидели на деревенской площади нескольких готемцев, которые возводили из жердей забор.

— Наконец-то мы поймали её! — говорили они.

— Кого поймали? — полюбопытствовал король Джон.

— Кукушку, ваше величество! Мы посадим её в эту загородку и будем слушать всю весну, как она поёт. А может, будем слушать и целый год. Почему бы ей не петь целый год, если мы будем вкусно и сытно её кормить?

И с этими словами готемцы посадили кукушку в загородку.

А кукушка расправила крылья и тут же улетела.

— Ах ты плутовка! — кричали ей вслед рассерженные готемцы. — Попадись нам только ещё раз! Уж мы построим для тебя такой высокий забор, что ты не сможешь его перелететь!

Посмотрел король Джон на глупых готемцев и сказал своим придворным:

— Не повернуть ли нам назад? Я думаю, будет лучше, если мы поищем место для нашего дворца где-нибудь в другой стороне нашей доброй старой Англии!

И король с придворными покинули Готем. И когда они уезжали, чтобы никогда уже больше сюда не вернуться, готемцы, как гласит предание, сказали им вслед: «Гораздо больше дураков покидает Готем, чем в нём остаётся!»

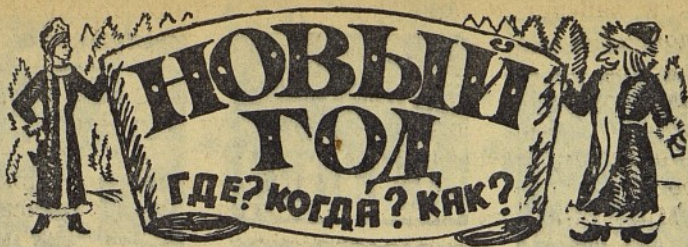
Вот и всё про готемцев. Конечно, историй есть про них гораздо больше, — мы рассказали только некоторые.

Перевела и пересказала для детей

П. А. ДЛУГОЛЕНСКАЯ

Рис. Ю. Бочкарёва

С ПРОСИТЕ любого приятеля: когда начинается Новый год! И он вам наверняка скажет: «Странный вопрос, — конечно, 1 января».

Так-то это так, да и не так... Не всегда и не везде так.

Наши предки, древние славяне, праздновали Новый год около 1 марта, когда приступали к сельскохозяйственным работам.

А у некоторых других древних народов — наоборот: Новый год отмечался после уборки урожая.

К древним египтянам Новый год приходил 19 июля. Почему 19-го, а не 25-го! — спросите вы. Тут «виноват» Нил. Именно 19 июля он разливался, давая полям удобрения — ил и воду.

Временем для празднования Нового года у жителей острова Самоа является пора, когда съедобный морской червь палоло выходит из глубин океана на поверхность. Бывает это в конце октября — начале ноября. Все жители острова выходят на лов палоло. И в этот день отрывают последний листок календаря.

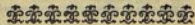
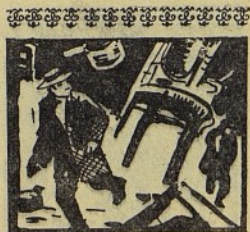
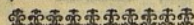
Во Франции Новый год тоже отмечался не всегда 1 января. Когда в 1792 году там произошла буржуазная революция, уничтожившая королевскую власть, то по решению Национального Конвента обычай считать началом года 1 января был упразднен. Взамен Конвент постановил: началом года считать 22 сентября — день образования республики.

Как видите, не везде Новый год начинается в один день!

А теперь о том, как его празднуют разные народы.

В Монголии этот день знаменуется спортивными соревнованиями, а вечером зажигается ёлка. Но Дед-Мороз здесь наряжен в костюм монгольского скотовода.

В Италии в ночь под Новый год по улицам надо ходить с осторожностью. А всё из-за обычая выкидывать из окон и с балконов разную прохудившуюся утварь. И хотя итальянская полиция с этим обычаем пытается бороться, старые горшки летят из окон по-прежнему. Традиция — ничего не поделаешь!

Если Новый год застанет вас в Бирме — быть вам мокрым с ног до головы! Там все в этот день обливают друг друга водой. И даже не смотрят: гость ли ты, глава ли правительства или простолюдин. Но душ этот в общем-то приятен: ведь Новый год в Бирме приходится на самую жаркую погоду.

В Японии водой не обливают. Встреча Нового года происходит там утром 1 января. Едва начинает брезжить рассвет, как люди, одетые по-праздничному, покидают свои жилища и выходят на улицу, чтобы встретить восход солнца. И когда его первые лучи освещают землю, все начинают поздравлять друг друга и обмениваться подарками, даже с незнакомыми.

Новый год во Вьетнаме приходит ночью. В парках, садах и просто на улице люди разжигают костры и готовят праздничное лакомство из риса. В эту ночь — долой все давние обиды, прежние враги становятся друзьями...

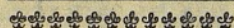
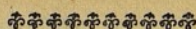
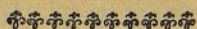
А знаете, как отмечают Новый год в Шотландии! 31 декабря любой дом открыт для всех: заходи, угощайся! Но не забудь помешать в очаге огонь. По старинному поверью тот, кто помешивает огонь, вошёл в дом с дружескими намерениями. И сделать это вошедший должен молча.

В полночь все собираются на празднично украшенной центральной площади города или села. Когда стрелки часов сходятся на двенадцати, люди берутся за руки и поют старинную песню, которую когда-то написал шотландский поэт Роберт Бёрнс:

*За дружбу старую — до дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.*

А в Лондоне в новогодье вы можете пойти на Трафальгарскую площадь и искупаться в фонтане во всей одежде. Обычай разрешает. И желающие находятся!

Кстати, когда-то в Англии Новый год отмечался 25 марта. Только с 1751 года началом года стали считать 1 января. В результате год как бы сократился на три месяца. Рассказывают, что по этому поводу произошёл забавный случай. Лорда Честерфильда, инициатора реформы, лондонцы преследовали криками: «Отдай нам наши три месяца!».

Испанцы привыкли к тому, что прежде чем часы пробьют полночь, надо успеть съесть ровно двенадцать виноградин (одна виноградина на один удар часов). Тогда вас ожидает в Новом году удача.

А вот швейцарцы Новый год считают праздником не только для людей. В Цюрихе и Берне те, кто имеет собак — породистых или дворняжек, — с наступлением Нового года ведут их на опушку. А там уже — Дед-Мороз со связкой сарделек на шее. Можете себе представить, каким радостным лаем встречают его четвероногие!

Как празднуют Новый год у нас, это вы знаете. А известно ли вам, что когда-то наш Новый год начинался 1 сентября! Так продолжалось до 1699 года, когда Пётр I указом повелел «лучшего ради согласия с народами европейскими» началом года считать 1 января.

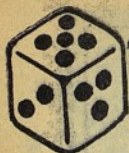
15 декабря 1699 года на Красной площади в Москве под барабанный бой объявили царский указ о новом летосчислении и о том, как праздновать Новый год. Надо сказать, что отмечался этот день очень торжественно. Первую праздничную ракету зажжёг лично царь Пётр, после чего в небо взмыл разноцветный фейерверк, началась пушечная пальба, раздались звуки труб и литавр. Так продолжалось всю ночь. Целую неделю дома стояли украшенными ветками ели, сосны и можжевельника, а улицы были иллюминированы. С этого времени в нашей стране и появился обычай отмечать Новый год 1 января.

Как видите, не даром в старинной русской пословице говорится: «Что город, то норы, что деревня, то поверье, что изба, то обычай».

К. АННЕНКОВА

Рис. В. Адаева

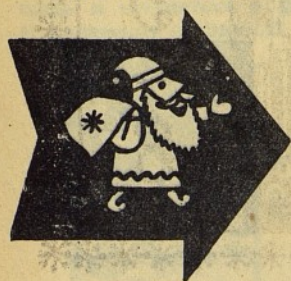

НА ЁЛКУ!

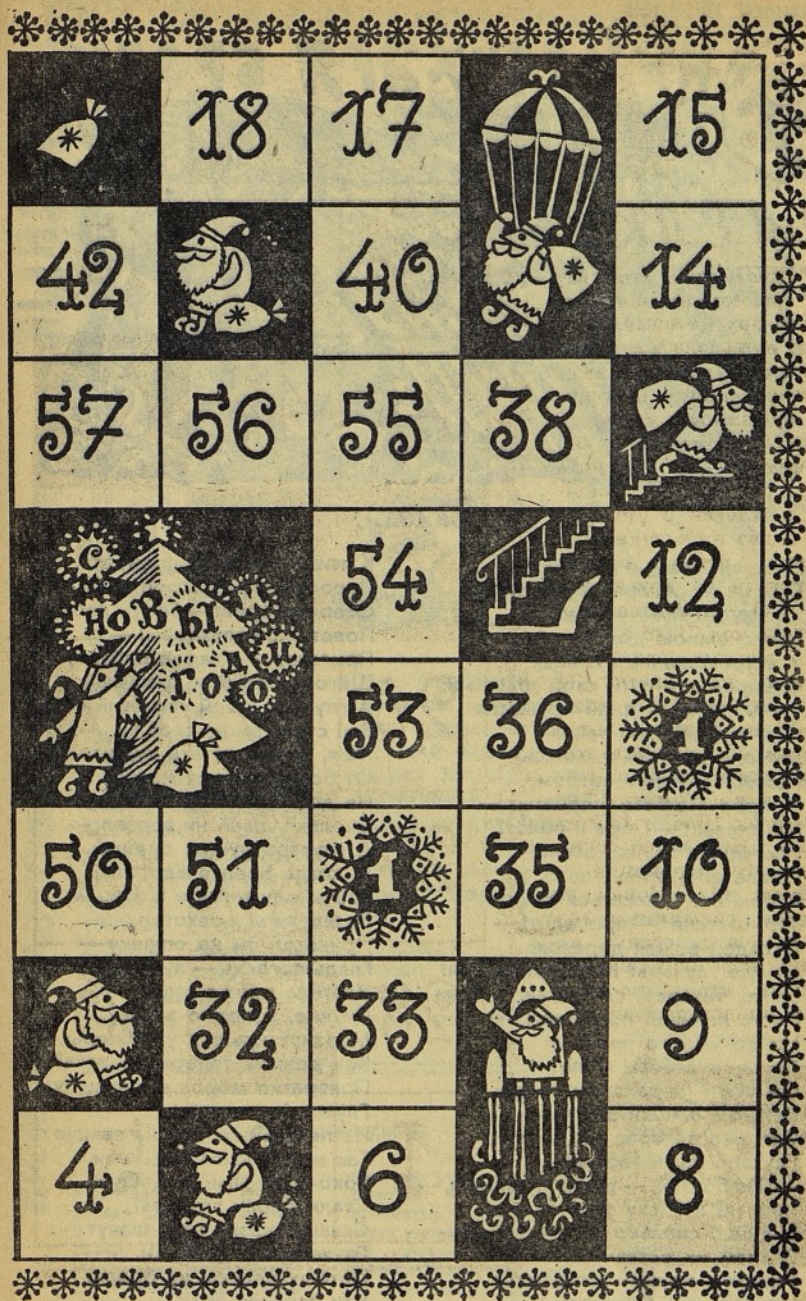
КУБИК для этой игры можно взять от любой другой настольной игры или сделать самому. Каждый играющий имеет свою фишку (пуговица, бумажный кружок). Ходят по очереди.

Внимательно смотрите на игровое поле. Видите: в клетке 5 Дед-Мороз сидит на мешке. Чья фишка встала на эту клетку (и на другие такие же) — придётся пропустить ход. Зато с клетки 7 можно сразу подняться на клетку 34 (или опуститься, с клетки 16 на 39-ю). А вот с клетки 48 придётся возвращаться на 29-ю (так же как и с 37-й на 13-ю, с 21-й на 19-ю, с 46-й на 25-ю). Но самое опасное — это снежинки с цифрой «1». Попал на такую снежинку — возвращайся к старту, начинай всю игру сначала.

Итак, кто из вас первым придёт на ёлку?!

22		20
	44	43
24	45	
		59
26	47	
27		49
28		30
1	2	3

(СКАЗКА)

Поздней осенью деревья
В мелком бисере дождинок.
Скоро их зима укроет
Белоснежною дохой.
И встревоженные птицы,
Собираясь в путь свой длинный,
Семь ночей и дней кружатся
Над промокшею тайгой.
Вот они дождём умылись,
Расчесали перья ветром,
И орёл — вожак пернатых —
Им сказал: — Пора в полёт!
Наступила, птицы, осень,
Пролетело, птицы, лето,
Будем все держаться вместе,
Кто отстанет — пропадёт! —
Оглядел вожак деревья:
— Где глухарь? Куда пропал он?
Ну-ка, тетерев, слетай-ка,
Пусть ленивец поспешит! —
Но до умного приказа
Глухарю заботы мало.
Он сидит на дальнем кедре,
Клювом шишки шелушит.
Сколько тетерев ни бился,
Глухаря не переспорил.
— Не болтай, — твердит обжора, —
Мне не к спеху улетать.
Видишь, сколько тут орешков —
Белкам их оставить, что ли?
Рядом с таким богатством
Не житье, а благодать! —

К птицам тетерев вернулся,
Передал ответ строптивый.
Осерчал орёл: — Пусть лебедь
Полетит за глухарём! —
Прилетел к обжоре лебедь,
Щёголь белый и красивый,
А глухарь такой упрямый —
Все стоит он на своём:
Мол, зачем лететь куда-то
От богатства от такого!
Не добился толку лебедь,
Сколько шеей ни вертел, —
А глухарь лущил орешки,
А когда наелся вдоволь,
Всё ж одумался и к птицам
Возвратиться захотел.
Прилетел он на опушку —
Глядь-поглядь — пустуют ветви.
Улетела птичья стая,
Скучно, холодно в лесу...
Мёрзнут крылья у обжоры, —
Как дожить теперь до лета?
Превратил мороз в ледышку
Глухариную слезу.
Из печальных глаз на землю
Так и сыплются ледышки,
Ярко-красными от плача
Стали брови глухаря!
Слыша сказку эту, плачут
Глухаринные детишки,
Потому красны их брови,
Как осенняя заря.

Перевела с эвенского Н. ГРУДИНИНА

Инженер Махмуд Вали живёт в Каире. В свободное время он решил порыбачить. Лодка вышла в море. Штормило. Вдруг заглох мотор. Лодку бросало из стороны в сторону. Махмуд ухватился за спасательный матрац. Вскоре огромная волна сбила его с ног и унесла в море. Инженер не выпустил из рук матрац, пытаясь во что бы то ни стало удержаться на нём.

СЛУЧАЙ В МОРЕ

Прошла ночь.
Медно - красный
диск солнца под-
нялся над горизон-

том. Его палящие лучи жгли Махмуду спину. Целый день пришлось инженеру провести в этих мучительных условиях. Он едва мог шевелиться от боли в обожжённой спине, которую разедала солёная

морская вода. И всё это время дельфины не покидали его. Они подталкивали матрац к далёкому берегу.

Уже вечерело, когда люди с берега заметили на поверхности моря кув-выржающуюся стаю дельфинов. В бинокль было видно, что стая кружится вокруг какого-то продолговатого предмета. Через несколько минут обес-силевшего человека подняли на борт ка-тера.

Так удачно начавшаяся рыбная ловля могла окончиться трагически для каирского инженера, если бы не неожиданная помощь... дельфинов.

ЗАПОВЕДНИК ЛЬВОВ

личение численности составляет в среднем 5 процентов. Обычно у львиц рождается по два-три львёнка. Средняя продолжительность жизни льва составляет 30 лет. Власти штата всячески оберегают львов, охота на них запрещена.

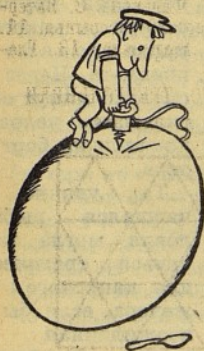
...на юге Киргизии раскинулись знаменитые орехово-плодовые леса? Они занимают свыше 230 тысяч гектаров. Учёные называют эти девственные леса природным ботаническим садом. Здесь до 140 видов деревьев и кустарников — грецкий орех, яблоня, фисташка, груша, слива, абрикос, вишня. Особенно велико хозяйственное значение ореховых лесов. Плоды грецкого ореха по своей калорийности в три-четыре раза превосходят куриные яйца, в полтора раза — шоколад.

...океан — это прежде всего источник пищи? По подсчётам учёных запасы рыбы в океане составляют примерно 3 миллиарда тонн, годовой же улов её во всём мире не превышает 50 миллионов тонн.

...самая крупная птица на земле — страус? Неволю они переносят сравнительно легко, но вот птенцов, находясь в зоопарке, они почти никогда не высиживают, хотя и несут необычные яйца-великаны. Каждое яйцо размером в футбольный мяч и весом около двух килограммов. Яичницей, приготовленной из трёх страусовых яиц, можно накормить... 40 человек!

...в Индии имеются дельфины, которые живут в реке Ганг? Обычно дельфины водятся в морской воде. Н речным местные жители и паломники относятся с большим почтением.

...почти половина территории нашей страны приходится на зону вечной мерзлоты? Она таит в себе много загадок и неожиданностей. Скажем, мы привыкли считать, что при нуле градусов вода переходит в лёд. А вот в мёрзлых грунтах вода даже при температуре минус 20 градусов может оставаться жидкой.

...в 150 километрах от Алма-Аты на берегу реки Или взят под охрану государства «поющий» бархан? Он издаёт звуки, напоминающие гудки речных судов. Их слышно за несколько километров. Интересно, что холм гудит лишь в сухую погоду. Учёные считают, что трение отдельных песчинок при достаточной сухости воздуха электризует их и заставляет вибрировать, а благоприятные условия резонанса создают звуковые волны большой силы.

...учёные - аквалангисты, опускаясь на дно в прибрежных водах Антарктики,

добыли до трёх тысяч образцов фауны? Среди них неизвестный раньше вид рыбы «ородатки» и новые для науки образцы морских червей и губок.

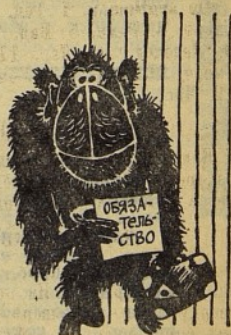
...продукция океана составляет лишь три процента пищевых ресурсов, которые используют люди? Ежегодный же прирост только водорослей, пригодных для употребления в пищу, исчисляется астрономической цифрой в 550 миллиардов тонн.

...в Аркангайских лесах (Казахская ССР) можно увидеть, как на соснах растут... кедровые шишки? Метод прививки, разработанный учёными республики, подтвердил, что привитый таким образом кедр растёт гораздо быстрее и раньше начинает плодоносить.

...одной из статей индийского экспорта являются... обезьяны? За время с 1961 по 1966 год их экспортировано свыше 320 тысяч. В основном на экспорт идут обезьяны, вес которых не должен быть меньше 4 фунтов. Новые хозяева обезьян должны дать гарантии, что животные получат хороший уход и нормальное питание.

ПО ДВЕ БУКВЫ

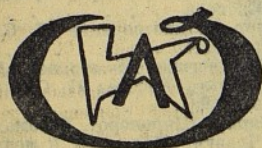
Составила Тамара ВЬЮНОВА, 160-я школа

Возьмите из каждого слова по две рядом стоящие буквы с таким расчётом, чтобы они сложились в пословицу.

Люди, автомобиль, тушь, камень, танец, счастье, присяга, люстра, библиотека, история, станция, форточка, варезки, волк, зима, платье.

ХИТРЫЙ РЕБУС

В этом ребусе зашифровано всего одно слово...

МЕТАГРАММА

Прислал Миша КОСТОЛОМОВ, пос. Подборье, Выборгского района

Полезна всем, нужна для всех...
Но только букву измени, —
Все годы, месяцы и дни
Моё питание — шерсть и мех...

Проверь себя

(Ответы к «Искрию» № 9, 10, 11)

КРОССВОРД

По горизонтали. 6. Олимпиада. 7. Квартал. 9. След. 11. Кадр. 12. Сбор. 13. Рюха. 15. Изумруд. 20. Анаграмма.

По вертикали. 1. Гол. 2. Киев. 3. Спорт. 4. Рама. 5. Бал. 7. Голибри. 8. Ледоход. 10. Дар. 11. Кир. 14. Смерч. 16. Знак. 17. Уйма. 18. Зал. 19. Час.

ИЗОКРИПТОГРАММА

Ключом к решению служит «З». Из третьих букв изображённых предметов составится: «Журнал».

ЗАДАЧА БУКВ

Рампа, Ермак, волос, Индия, запал, озеро, рыбок. Из первых букв сверху вниз — «Ревизор», из последних снизу вверх — «Коляска».

Отдел ведёт Вадим Акентьев

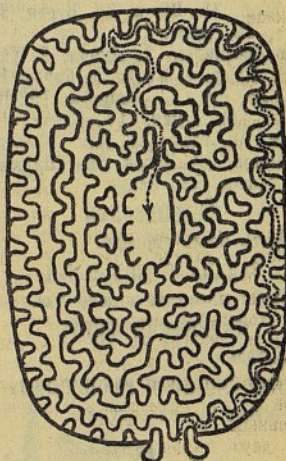

В КАКУЮ СТОРОНУ ВРАЩАЕТСЯ?

Вал А вращается по часовой стрелке. О направлении вращения ведущего вала В можно судить по провисанию приводного ремня между вторым и третьим шкивами.

ЛАБИРИНТ

Решение см. на рисунке.

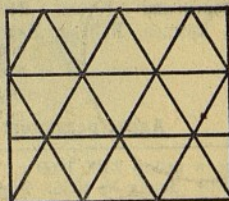

ЦИКЛОКРОССВОРД

1. Вагранка. 2. «Трубадур». 3. Волейбол. 4. Бумеранг. 5. Тарантул. 6. Байдарка. 7. Фальконе. 8. Ватерпас. 9. Дромадер. 10. Спорынья. 11. Бельэтаж. 12. Выдержка. 13. Глазомер.

ЗАДАЧА ПРО ТРЕУГОЛЬНИКИ

Решение см. на рисунке.

ХИТРЫЙ РЕБУС

Га+га+ар (рисунок перевернут)
=гагара.

РЕБУС

Не в силе сила, а в правде.

ЗНАЧКИ-ПОДСКАЗКИ

Грибоедов.

ЗАДАЧА О ДВУХ ЧИСЛАХ

A=27, B=28.

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Лист. 3. Арык.
5. Аркан. 7. Мрак. 8. Грин. 9. Сту-
жа. 10. Нина. 12. Рост. 14. Зов. 16.
«Татра». 18. Отпор. 21. Мотор. 22.
Опрос. 23. Невод. 25. «Ермак». 27.
Акр. 29. Вьюн. 31. Чили. 33. Астра.
34. Трал. 35. Шлак. 36. Игрек. 37.
Наум. 38. Анис.

По вертикали. 1. Лимон. 2. Так-
са. 3. Ангар. 4. Канат. 6. Крузо. 11.
Ива. 13. Сто. 14. Запруда. 15. Во-
домер. 16. Туман. 17. Титов. 19.
Паром. 20. Заяц. 24. Ель. 26. Аул.
28. Катер. 29. Ватин. 30. «Налим».
31. Чашка. 32. Искус.

КАЛЕЙДОСКОП

Береги честь смолоду.

ЗАДАЧА С КОЛЬЦАМИ

Шутке минутка, а делу час.

МАЛЕНЬКИЙ РЕБУС

«Витязь».

«ОТНОШЕНИЯ И ПРОПОРЦИИ»

Решение см. на рисунке.

РИСУНОЧНОЕ ПИСЬМО

Не в силе сила, а в правде.

ПЛЕТЁНКА

По горизонтали: Лесков, Надсон,
Леонов, Есенин, Гайдар, Гаршин.

По вертикали: Гоголь, Пушкин,
Куприн, Крылов, Майков, Маршак.

Содержание

Зима пришла. Заколдованная речка. Гололедица. Стихи В. Фетисова	1
По рекомендации Ленина. Очерк Е. Вистунова	3
Прав был Виченцо! Очерк Эд. Аренина	8
Ищи себя, Громов. Окончание повести Сергея Вольфа	15
Клуб «Ми». Очерк Аркадия Клёнова	32
Спор. Стихотворение Н. Сле- паковой	38
Путешествие по стране «Де- кабрь». Рассказ Н. Сладко- ва	39
Жираф. Широкорот. Росوماха. Чудаки. Про ежат и медве- жат. Лев и льявица. Стихи Е. Серовой	44
10 историй про готемских ум- ников	46
Новый год. Где? Когда? Как? Статья К. Анненковой	55
На ёлку! (Новогодняя игра)	58
Почему у глухаря брови крас- ные. Сказка Василия Лебе- дева	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рису-
нок художника П. Вискова «С Но-
вым годом!».

На 2-й и 3-й страницах обложки
иллюстрации художника Юрия
Лаврухина к книге Леонида Ради-
щева «На всю жизнь».

На 4-й странице обложки зага-
дочная картинка художника
Ю. Шабанова «Найди лыжников».

Редактор В. Л. БИАНКИ

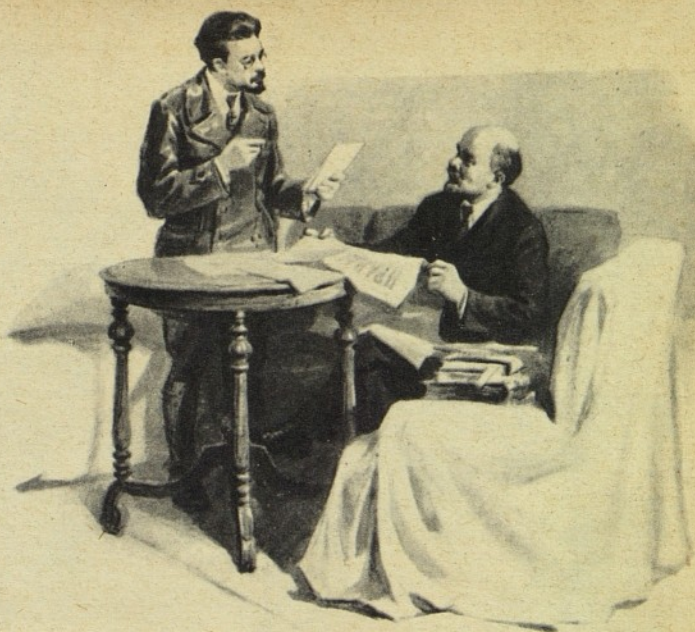
Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 23/X 1969 г.

Подписано к печати 9/XII 1969 г. 4 печ. л.

М-34819. Заказ № 1566. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 74 000 экз.

Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

НА ЛЫЖНЕ ВТРОЁМ ОСТАЛИСЬ...

А ЧЕТЫРЕ ПОТЕРЯЛИСЬ ГДЕ?